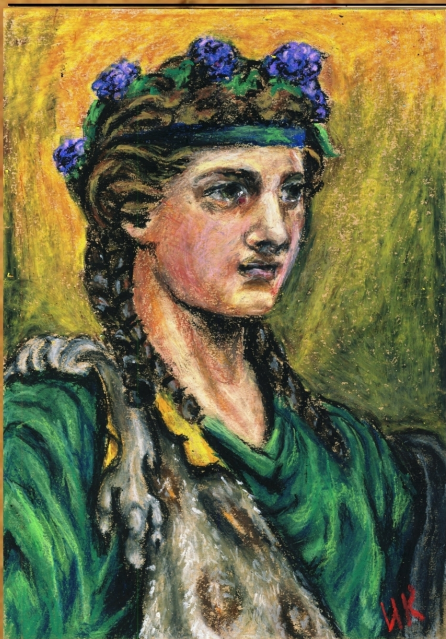

И.Кашкадамова

роса на цветах

16+

Песнь виноградной лозы

Ирина Николаевна Кашкадамова

Песнь виноградной лозы. Роса на цветах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41554770

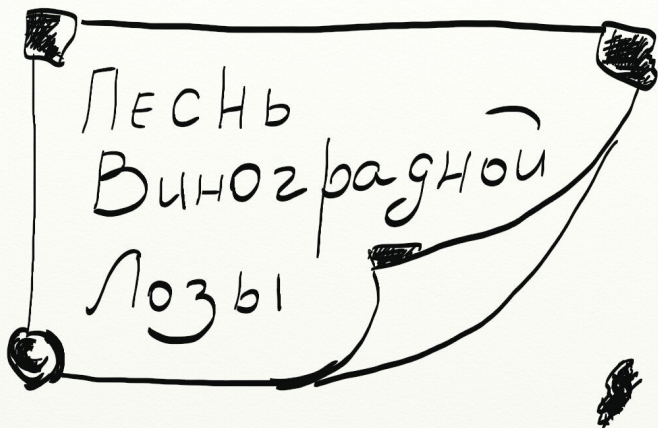
SelfPub; 2020

Аннотация

Каждая глава – это огромное количество практической информации о жизни того времени. Все это помогает читателю. Книга написана по законам литературы античности: пять друзей, пять книг и каждое евангелие от героев – это новый мир, новая жизнь. Природная магия и обыденность сплетены воедино, детективный жанр и философия связаны между собой реальностью жизни. Попробуйте пройти с героями весь путь и вам откроются новые грани неведомого. Откроется дверь в новый, ещё не познанный мир. Обложка нарисована автором.

Содержание

Лексикон	7
Пролог	19
1 глава	49
2 глава	79
3 глава	106
Конец ознакомительного фрагмента.	133

ПЕСНЬ
Виноградной
Лозы

Лексикон

Акинак кривая короткая сабля, распространенная кроме скифов у персов и мидян, это сакральное оружие,

Александрос – «защищаю», – «мужчина», «человек»; «Защитник людей». Правитель воин командующий территориальной армией.

Алоиды – Вовремя гигантомахии Алоиды От и Эфиальт взяли в плен Эниалия, бога войны. Заточили его в амфору, тем самым лишив возможности нападать вместе с Олимпийцами на гигантов.

Алора – Город Македонии недалеко от Метоны и Пидны.

Аойда – муза песни.

Аоры – волшебные мечи, божественные, мифические.

Аристотель переводится как Самый Лучший

Артаксеркс III (Артахшасса, что означает «Владеющий праведным царством») – правитель ахеменидов с 359-338 гг до н.э. Артаксеркса Ох правил в 359-338 годах до н. э., из династии Ахеменидов.

Атта, Аттал – отец, батюшка, обращение к старшим по возрасту.

Ахемениды, династия правителей древнеперсидской державы.

Басилевс – правитель, жреческая должность, территориальная.

Башлык (наголовник) – суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх какого-либо головного убора для предохранения «от холода, дождя и солнечного зноя». Имеет длинные концы-лопасти для обматывания вокруг шеи.

Борей «северный» олицетворение северного бурного ветра.

В Новогодний праздник, проходивший в Македонии в начале осени, Вакх и Пан разносили детям подарки.

Важенка – самка оленя.

Ванские – ионийские земли, бывшая территория Урарту.

Ваны – Ионийцы или ионяне народы, заселявшие не только Балканы от Аттики, но и Малую Азию.

Ваша – победа, барсий клич.

Гастерофет – эллинский арбалет, являющийся наряду с китайским арбалетом одной из первых попыток механизации метательного оружия.

Гиматий, ткань; накидка верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани; надевался обычно поверх хитона.

Гоплит – тяжеловооруженный пеший воин. Слово происходит от названия тяжёлого круглого щита – гоплон.

Грызло – Железная часть удила, вкладываемая в рот лошади поверх языка.

Джезва – большая, джезвочка – маленькая, принцип современных турок для варки кофе, Напиток, похожий на кофе, делался из желудей.

Диди – обращение к старшему в Московских горах.

Донос – документ, донесённый до адресата не автором, а посредником.

Микитра – женщина, с которой отношения. Из словаря, переданного Фифе старшим братом, для общения с клиентурой.

Ила – основная тактическая единица конницы в македонской армии.

Искандер – (позднее, римского времени) делать похожим, уподоблять – (по ошибке) принимать – принимать кого-л. за кого-л – думать, полагать; в древности употреблялось в значении – двуступишие, двойственность, парность. – мужественный, муж (мужчина)

Калос – красиво, прекрасно, изящно.

Кария, Киликия и земли **Фригийские** – Малая Азия, территория современной Турции.

Килик – плоская чаша для вина, с ручками и ножкой.

Кинайдос – ругательство, шавка, низшей иерархии в собачьей стае. Впоследствии стало обозначать пассивного гомосексуалиста.

Копис – разновидность холодного оружия с односторонней заточкой по внутренней грани лезвия, предназначенное в первую очередь для рубящих ударов. Копис означает «рубить, отсекаль».

Короне – ругательство, ворона, употребляется и как положительное пожелание долгих лет, и как отрицательное из

разряда чѣрт.

Крокотидон – плащ шафранного цвета Ксенократ – чу-
жеземный властитель.

Ксифос – прямой обоюдоострый меч длиной около 60
см. Остриё ярко выраженное, клинок листообразный.

Лабис металлическая застѣжка для одежды, одновремен-
но служившая украшением.

Лисимах – лис – освобождённый, высвобожденный; мах–
бой, сражение, битва Локоть – 40 см.

Маргит – дурак, недоумок.

Мелеагр – Центральный персонаж Калидонской охоты.
После тяжелой облавы, в ходе которой вебрь смертельно ра-
нил многих героев, удалось поразить его стрелой, а затем
обессиленного вепря добил своим копьём Мелеагр.

Мелета – муза опытности.

Мелухха – «солнечный луч» – западная Индия.

Митра – («пояс, повязка») – головной убор, украшает
священнослужителя, распространена у мидийских магов.

Мнема – муза памяти.

Наварх – изначально начальник корабля, позднее коман-
дующий флотом.

Наяды – хранительницы рек, ручьев и озёр.

Обол – название монеты и единицы веса. Единица веса
(массы), равная примерно 0,65 грамма, а также серебряная,
затем медная монета, равная 1/6 **драхмы**. **Драхма** 6,24 г в
серебре.

Онексикрит – Третейский судья.

Охреман – Эллинское произнесение зороастрийского **Ахуры-Мазды**.

Палладий – священная статуя-оберег. Являлась святыней и талисманом города, в котором хранилась.

Пеласги, – имя, которым авторы именовали народ (или всю совокупность народов), населявших Балканы и Малую Азию до возникновения до прихода **ахейцев** и **эллинской культуры**. К ним относились **лелеги, моски, кавки, калевы**, они населяли Фессалию, Эпир, Македонию, Фракию.

Пелигон совет старейшин в полисах преимущественно аристократического устройства; рассматривал важные государственные дела, подлежавшие затем обсуждению в народном собрании.

Пеплос, пеплон или **пеплум** (лат. *perplum* – букв. «покрыв») – женская верхняя одежда из легкой ткани в складках, без рукавов, надевавшаяся поверх хитона

Петас – шляпа для защиты от солнца с широкими и гибкими полями

Пилос – технологичный в производстве древнегреческий шлем для легковооруженной пехоты. Полукопическая закругленная бронзовая шапка.

Пирей – город в Аттике, на Эгейском море.

Пирра Та-Кемет (Египет) – близкое к **басилевсу**, в то время как, **пирр-а** эллинами назывался **фараоном**.

Пифия – жрица-прорицательница в Дельфийском храме

Аполлона, что на склонах Парнаса.

Порпи – головная шпилька, пряжка для волос, застежка, пряжка, булавка. Именно ей закалывали гиматии.

Продрама – конная разведка боем, имела лёгкое вооружение, это лёгкая кавалерия. Возможно, что кроме дротиков они были вооружены луками, на случай отступления при попадании в засаду.

Птеруги (птериги) – «перья»; вид доспехов воина, кожаные полосы, крепившиеся к панцирю и прикрывавшие плечи. Защитные свойства птеруг были весьма сомнительными, но был показателем воинского звания.

Радостно – жаргонное от хайре, эквивалент нынешнему клёво.

Радуйтесь – приветствие.

Сагарис – персидский скифский боевой топор, скифский по происхождению. сагос солдатский плащ.

Сагос – солдатский плащ, закреплялся на плече, но бывали исключения. Он изготовлялся из шерсти.

Сатрап хранитель территории; – глава сатрапии, правитель при ахеменидах. Назначался правителями обычно принадлежал к его родне или высшей знати. На своей территории ведал сбором налогов, содержанием армии, был верховным судьёй и имел право чеканить монету.

Сатрапия – административная единица – военно-административный округ (провинция) в государстве ахеменидов, возглавлявшаяся сатрапом.

Сисур – тулуп, овчина или козья шкура, в Македонии носилась зимой.

Тагос или **таг** «предводитель, вождь» – верховный вождь Фессалии. Он выбирался пожизненно из аристократических родов, управлявших Фессалией, ему принадлежала верховная военная власть подобно македонскому александру.

Та-Кемет – Египет самоназвание Та-Кемет, Та-мери, Та-уи. Та-кемет, то есть «Чёрная земля»

Тиранн лицо, насильственно захватившее власть; диктатор.

Тор, Тару – хатское божество больше известно в хетто-лувийской традиции как Тешубом.

Отождествляется с карело-финским Тааром, скандинавским тором. Тор – древнегреч. Коваль.

Хеник – единица измерения ёмкости, равная 1,08 литра

Хер – камни, булыжники, идти на хер – идти под камни.

Хику – чёрное колдовство на смерть, порча, сделанная согласно ритуалу.

Хитон «одежда» – мужская и женская одежда (нижняя); подобие рубашки (льняной или шерстяной), чаще без рукавов.

Хламида мужская наружная одежда, изготовлявшаяся из шерстяной ткани и отличавшаяся от прямоугольного гиматия меньшими размерами и покроем.

Хлина – прямоугольный шерстяной плащ (плед) из плотной ткани, служивший зимней одеждой.

Чюрик – тот, кого обворовывают, лёгкая добыча. Из словаря, переданного Фифе старшим братом для общения с клиентурой.

Эгида – защитное изображение.

Экзомис – короткий хитон из грубой ткани, заложенный складками на левом плече, который носили рабы и крестьяне, оставлявший открытыми правое плечо и правую руку.

Туника – слово латинское, аналог **эксомис**.

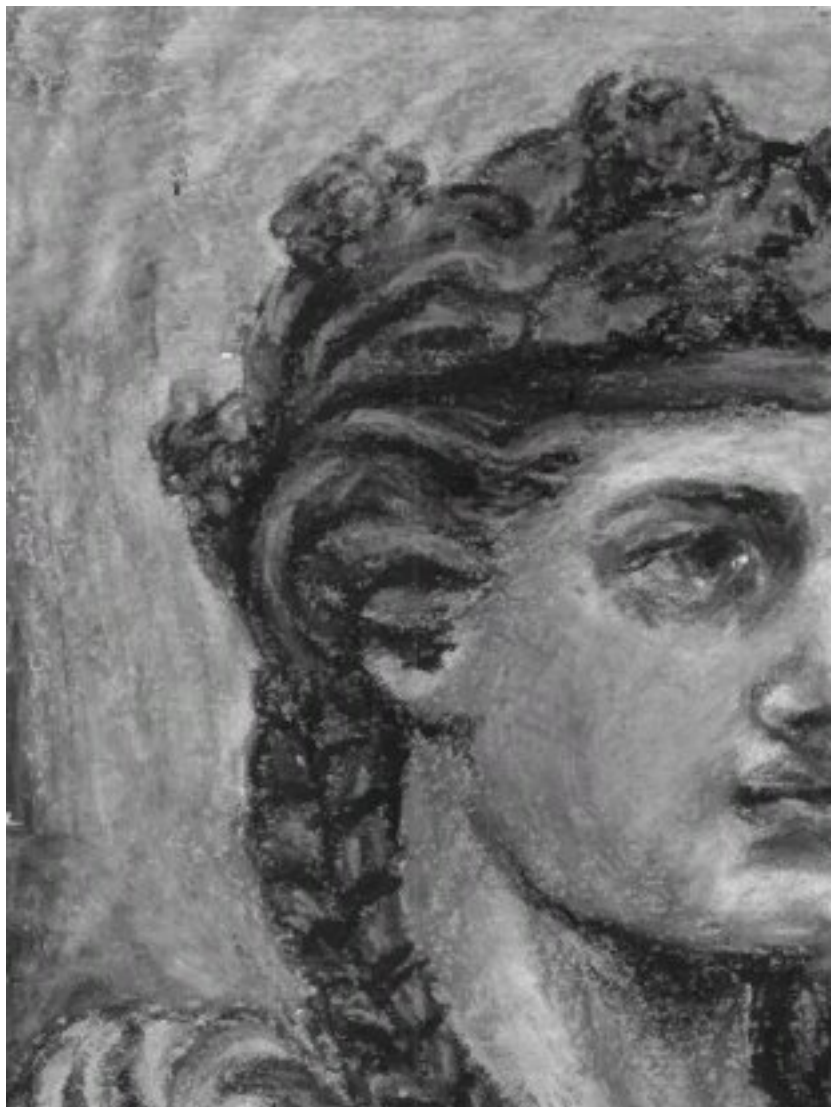
Эльф – пришедший, стремительный.

Эмпат – «страсть», «страдание» осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания. Диапазон проявления эмпатии варьируется достаточно широко: от лёгкого эмоционального отклика, до полного погружения в мир чувств партнера по общению даже если он на расстоянии.

Этеры – этеры дружина македонского правителя. Буквальный перевод друзья.

Эфеб – молодёжь из граждан с 16-18 (20) лет, проходящая военную службу, или подготовку к кадровой службе в армии.

Свиток второй

Роса на цветах

Пролог.

Пролог

Эги. 344 г до н.э. конец весны.

От Ясона.

Время... Странная величина, непостоянная. Кажется, его много – всё ещё впереди, только распланируешь, что и как делать – а уже всё закончилось, не успел и глазом моргнуть. Только разделся, растянул усталое тело по кровати, намереваясь погрузиться в тихий ночной сон, а уже вставать пора. Бежать на учёбу, потом на палестрах, где бушует Леонид. Пообедал, так наставники – “барсы” уже потирают ручонки, чтобы заняться тобой. И опять тренировки. А вечером милости просим к Гегелоху. И тут тоже поединки, но уже астральные – или формулы зубрить на снятие разных заговоров. Вот и день кончился. И опять бредёшь к кровати, с единственной мыслью расправить свои бранные косточки. А с утра все начинается по новой.

Девять месяцев уже прошло, как Яська обосновался в Эгах. За это время женщина вынашивает ребёнка, вот моск и выносил в себе любовь к местному колориту. Девять месяцев назад отец, моский правитель Мерван, отдал сюда сына как виночерпия. Любит Мерван раздавать по разным странам своих многочисленных отпрысков. Брат так вообще в Та-Кемет попал. Даже там нуждались в профессиональных

виночерпиях и телохранителях. Ясон получил первую степень посвящения богу Вакху ещё в Моских горах. Здесь же верховный иера Гегелох, учил его дальше, чтобы стать единоборцем Вакха. Вот его дядька, брат Мервана, в целители пошёл, чёрно-белый костюм на церемонии носит, а Яське до одури хотелось чёрно-красный иметь – поединщика, верховного... Да, скромностью Вакх его не обидел. Если уж к чему стремиться – так к высшему. В остальном Яська учился также, как и местные наследники, вместе с ними.

Среди них оказались его ровесники, с которыми моск быстро сдружился, даже вошёл в их маленький отряд – пятёрку.

Надменный Илька, сын Аминтора, александроса эгейских земель, командующего всей армией. Как – то он сам собой считался у них лидером. Хотя сам он к этому относился равнодушно.

Весёлый Кузька, сын Пармения, правителя Иллирии. Мальчишка обладал даром предчувствовать смерть. Мог говорить с мёртвыми.

Хозяйственный Фифа, сын александроса Орестиды, жреца Додонского дуба. Этот слышал землю, мог находить клады, чувствовал золотые и серебряные руды, стремился сам колебать землю.

И Павка, сын Аэрропа, из рода Линкестов, самого древнего правящего дома эгейских земель. Открытый, хороший мальчишка – телепат.

Вот в этой компании Ясон и проводил дни – и учился, и развлекался. Ребята оказались шепутные, то есть нормальные, компанейские, во многом близкие ему по духу и озорству.

Наконец – то, их отпустили в ночное, в табун к коням. Дело откладывали, но сегодня это свершилось. Не сказать, чтобы старшие были против, но занятия допоздна выматывали, и сил на ночное не было у самих мальчишек. Сегодня же занятий не было, ну, дополнительных, после палестра они были предоставлены сами себе.

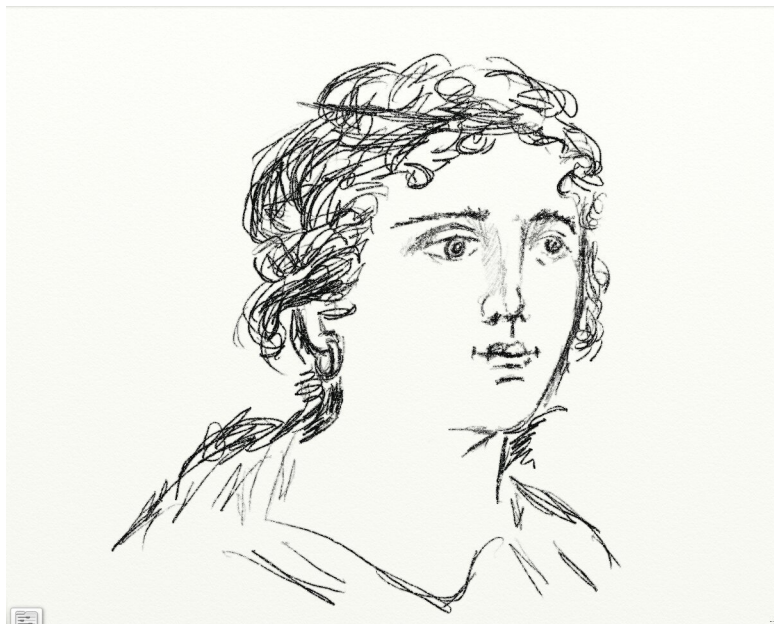
Взрослые же заседали в административном здании, решая какие-то неотложные дела.

Ночи стояли теплые. Даже вечно простуженный Фифа был отпущен матерью в ночное, под присмотр наставников – “барсов”. Именно слово Данаи было решающим в возможности мальчишкам провести ночь среди табуна, под байки воинов. Павку, правда, забрали на совет, незаменимый он, видите ли, александрос и басилевс шагу без него ступить не могут. Куда они без телепата! А хороший, качественный такой один только в Эгах родился. А мальчишке расслабиться от учёбы ну, совсем не надо.

Да и Даная отпустила их, скорее, что бы Ильяка развеялся, парень был полностью в растрёпанных чувствах.

Сегодня они у Фифы обедали, четвёркой, так как Павку забрали. После еды мальчишки решили зайти на кухню, ватрушечек и витушечек прихватить и засесть со всем этим в

Логове, своём укромном месте. Там у ребят всегда находилось масса дел, начиная от игры в кости на щелбаны заканчивая обсуждением Илькиных новых разработок по развитию государства.

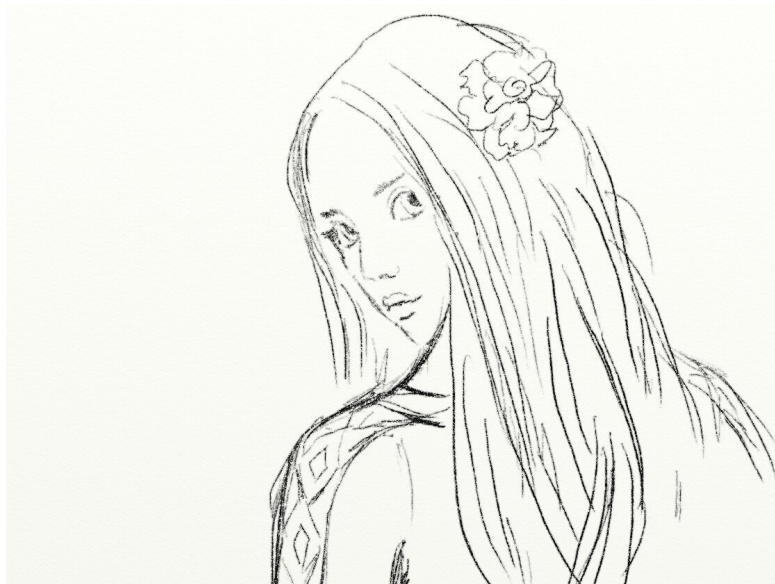
Они только завернули к кухне, как оттуда слышны стали яростные женские голоса. Кричала Даная, и слабо, словно отблёхиваясь, ей отвечал голос Аглаи, её невестки, жены

старшего сына. Мальчишки остановились, прислушиваясь, надо же знать, можно идти или без сладкого легче остаться, чем туда лезть.

– Сколько тебе говорить! Отстань от мальчишки! – властно рявкнула Даная.

– Я ничего не делаю...

– Хрясь! – звук мокрой тряпки.

Илька рванулся на кухню, спасти нравящуюся ему жен-

щину. Кузька тут же преградил ему дорогу, схватил его за плечи. Илья рванул. Но его держал уже и Фифа.

Правильно, нечего мужикам делать там, где бабы ругаются – моск это усвоил с детства. Ещё и им самим попадёт. Тётки в озверении – страшная сила, стихийная. Стопчут и не заметят. Яська за хвост отловил свою барсиху, помчавшуюся на помощь ненаглядной Данае, которая её всё время подкармливала вкусностями.

Данка обернувшись на резкий рывок зашипела на своего хозяина. Но, увидев занесённый кулак над своим носом, виновато поджала уши и припала к полу.

– Прости, папа, я не хотела... – так и говорил её взгляд. Яська схватил её за кожаный ошейник, привлекая к своим ногам. Мальчишка давно уже хотел заменить его на золотой, сделанный из драхм, но никак не получалось собрать денег.

– Отстань от него! Глазки она строит... – голос Данаи.

– Шлёп! – мокрая тряпка врезалась в цель.

– Вертихвостка! Второго ребёнка носишь! А всё не успокоишься! – кричала женщина.

– Иля хороший мальчик. Я ничего такого не хотела! Я его жизни учу. Нечего держать его в идеальном мире! Жизни пусть учится! – злое твяканье Аглаи.

– Не порти парню жизнь!

– Да для него же лучше! Пусть как все будет! Разочарования познает! Нельзя жить в идеальном мире! Ну, как вы не понимаете! Нельзя!!!

– Чвак – хлопок мокрой тряпки.

Яську заинтересовало, почему звуки тряпки получаются разными. Аглаю что, по разным местам лупят?

Илька рванулся ... и затих, уткнувшись Кузьке в плечо.

– Собирай свои вещи! Аминта, муж твой, едет в гарнизон Эдессы, едешь с мужем!

– А если я не хочу! Я не собиралась жить в казармах!

– Всё. Пропусти. – Илька отстранился от Кузьки, закусил губы. По его бледному лицу было видно, что на что-то решился. Рыжий отошёл, пропуская друга на кухню. Фифа, державший родича сзади, тоже разжал руки, и только обреченно смотрел ему в след.

– Пусть остаётся, коли хочет, – брезгливо выдавил Илька, сквозь сжатые зубы. Он надменно окинул Аглаю свысока взглядом и, задрав подбородок, вышел.

Мальчишки видели, как он, вскидывая голову, пытается удержать стоящие в глазах слёзы. Друзья пошли за ним следом.

– Иль! – окликнула Даная внука. – Езжайте-ка к барсам в ночное. Давно проситесь...

– Добро, – Илька, чуть притормозив, холодно бросил через плечо всего одно слово и почти побежал на задний двор. Фифа остался на кухне с матерью, а Яська с Кузькой помчались за Илькой.

Это уже во внутреннем дворе Илька о дерево разбил в кровь руки, пытаясь выпустить из себя обиду и злость, а из кухни выходил гордо, надменно... а потом плакал на плече у Кузьки.

Вот теперь они отпущены на всю ночь. Фифа у матери набрал не только ватрушек, но и тыквенных оладий, и другую снедь. С мальчишками к табунам пятым пристроился Алесь, командир эфебии, сын правителя Иллирии Пармения, Кузькин брат. Типа, старшим в ночном быть, а на самом деле про-

сто к табуну захотелось. Алесь вообще на конях повернутый. Компания его не то что бы распалась, но за прошедшее время многое изменилось.

Приам, тоже сын Пармения, участвовал зимой в играх. Все этого ждали, верили в его победу. Он же силён, в отца – тренировки там всякие, питание... В панкратии один из лучших бойцов... Вернулся домой с переломанной спиной. Только сейчас начал сам ходить, теперь уже на всю жизнь станет нестроевым, хорошо, хоть двигаться может. Вообще было страшно, когда с игрищ Приама на телеге привезли, сразу всё рухнуло – планы, армия... Хотя Приам сильный, он сможет выдержать. Вот Алесь бы, пропади его надежды, окажись он вместо брата – сломался бы. А Приам... у него ведь математика, а мозги ему не отшибли! Для него это не конец, а какое-то иное начало. Другим путём пойдёт, он парень умный, да и чувством юмора не обделён. Подымится. В Эгах костоправы хорошие, наследники Гиппократа, так что на ноги поставят. Так что пока на колеснице ездить будет, а сможет ли на коне – как велют боги. А тогда, зимой, когда его с игрищ на телеге привезли, – совсем лежащий был. Воины сопровождения мрачные, как в воду опущенные. Ворон Приама рядом с ним на телеге сидит, нахохленный. А сам парень балагурит.

– Ну что, ребят? Пока служить будите, все девчонки мне достанутся. Вы в армии, а я в цветнике буду!

– Тот ещё цветник – с цветочками эгейскими, колючками

ядовитыми.

Аминтор после этого запретил эгейцам в игрищах участвовать. Говорят, что парню специально хребет сломали. А ведь многие по игрищам разным собирались проехаться. Тот же Ильяка, да и Кузька готовились ехать на Олимпийские. Теперь их точно не пустят, не хотят наследников терять.

Кока, Фифин брат, ещё по ранней весне уехал в храм – учиться. Наконец-то его родители договорились, и отправили в святилище морской богини. Это после того, как Кока предсказал огромную волну на побережье. Людей оттуда увезли... А, вместо огромной волны пришло сильное землетрясение, даже в Эгах несколько домов рухнули. Правда их и до этого снести собирались, как хлам. Ну, пророка и сплывили с глаз долой, чтобы учился, а не ошибался в движениях земли. Заодно и на наварха обучится. Флот у эгейцев слабый, но, наверное, тоже нужен. Такое ощущение, что их александросу, да и басилевсу нужно всё и – побольше. Они что, на море и суше воевать собрались? А не слипнется?

Мелеагр к сестре уехал в Эпир, там у них какие-то семейные дела. То ли её замуж, наконец, выдают, и он приданное от Филиппа повёз, то ли ещё что случилось.

Сам Сурик, сын Филиппа, в своих последних гонках в Фессалии участвовал на Букефале. Вторым пришёл. Вообще-то неплохо, но все-таки не победил. Выиграл мальчишка – десятилетка. Для Букефала это последние гонки были, стар уже для серьёзных игрищ. Так что расстроился Сурик,

с ними не увязался. Так хотелось за это Вакху подарок сделать, что уже месяц мы от него отдыхаем. Кузька, вроде, что-то богам всё же преподнес. Это же длинный такой праздник, без Сурика – то!

Так что Алесь поехал с нами – и как старший, и просто развеяться. Эфебию бы раньше на Приама оставил, теперь кроме Калата. Линкеста других претендентов нет. Сейчас они с Линкестом по месяцу на севере у даев обучаются фехтованию. Не обычному, армейскому, а сугубо специализированному. Это входит в подготовку на жречество Ареса. Там же, у даев, они и посвящение пройдут в храме. Это огромная священная роща, посвящённая богу войны, где по осени олени собираются на гон и проводят турниры.

Воины – “барсы” встретили мальчишек радушно, прямо у костра накрыв стол. Ребята тоже выложили снедь, привезённую с собой.

Жаркий вечер переходил в тёплую, почти летнюю ночь. Небо глубокое, чёрное, словно перевёрнутая чаша, украшенная звёздами. Тёмные силуэты отдалённых гор чёткой гранью отделяли земной мир от того, верхнего, где звёзды водили свой хоровод. Шелест травы. Фыркание коней и мерно трещащий костёр, вокруг которого все и расселись. Тенями бродили боевые кошки, неся охрану табуна. Запах лета и чего-то такого, что не передать словами... Тайны неизвестного, волшебного, иного... – всё не то, но вот если всё это собрать вместе и добавить немного радуги, то как раз то-самое

и получится.

Среди барсов тоже были молодые воины. Молодёжи решили искупать жеребят с кобылицами. На эгейской земле появилось новое поколение коней, где смешивались иллирийские, иверийские и северные крови. Фифа всё ходил, узнавал у старших воинов, стал ли его, оставленный в табуне чахлый скаковой, папой. Ему очень хотелось посмотреть на детей своего жеребца.

Мальчишки погнали небольшой табун в реку. Со смехом и гиканьем они мыли коней и сами плескались в воде. Голышом они скакали, сидя на кобылах, по реке, подымая брызги. Вода была обжигающе холодная. Попадая на разгоряченные юные тела, она иглами впивалась в них, добавляя азарта. С весёлым хохотом, мокрые с головы до ног, они бегали по воде. И плескали водой в тех, кто разъезжал на кобылах по реке. Те не оставались в долгу, окатывая их брызгами.

Мокрые, довольные, уставшие, мальчишки вернулись к костру, где их ждала горячая похлёбка. Укутавшись потеплее, и, получив каждый по миске дымящегося блюда, они расселись вокруг огня. Старые барсы стали рассказывать молодёжи истории Моских гор. Эгейцы с интересом слушали новую для себя мифологию, истории о красавице Дала.

Она прекрасна и величественна, эта добрая покровительница животных. Звери сами подходили к ней с лаской и любовью. Отдавали ей на воспитание своих детёнышей, и они ходили за Дали как за родной мамой.

Ласкала она их, любила, а они защищали её. Так и ходит Дали по горам, в окружении своей юной свиты.

– У нас так вокруг Иры, или Варусы по-старому, животные роились. Даже, говорят, у трона её два барса сидело, – хмыкнул Илька, – только ходила она не по горам, а по небу, так как была матерью солнца, и священного города Арины.

– Ш-ш-ш Иль..., дай послушать, – тихонько попросил Кузька.

– А волосы у неё золотые, длинные, светящиеся в темноте. Сядет она у водопада, распустит косы и начнёт их расчёсывать – нараспев рассказывал старый барс. – И только мужественные люди могут её увидеть. Им свет её волос путь в темноте освещает. Остальные даже света не видят. И никогда не увидят, как Дали расчёсывает длинные волосы, спадающие в воду. А они струятся по воде, светом лунным в ней играя. Вокруг резвятся животные, медвежата кувыркаются и урчат. Волчата пощипывают медвежат за толстые попки и, виляя хвостом, ластятся к светящейся Дали. Тявкают лисята. Юные барсята тихо подкрадываются, чтобы толстой лапой поймать клочок волшебных волос. А оленьята просто купаются в этом свете.

– Красиво... – Фифа мечтательно разглядывал реку, будто пытаясь увидеть там вечно юную красавицу, расчёсывающую волосы. – Хорошо рассказываешь. А бывает ли такая? Кто-нибудь видел?

– Я бы тоже посмотрел, как она купается, – поддержал

друга Кузька. – А любовь? Возлюбленный у неё есть, или всё время с животными в горах проводит?

Парнишка толкнул плечом Ильку, понуро сидевшего рядом. Тот хмуро отвернулся.

– Конечно, есть, – Оживился Яська. – Возлюбленный у Дали – Великий Охотник, Амирани его зовут. А брат её Вакх. Иль, это действительно замечательная история.

Ясон оглядел друга, надувшегося как бурундук, вытащенный по весне из норы. Глаза чёрные, обиженные, сам нахохлившийся... Ведь в реке веселился так же, как и остальные, а вот о любви заговорили – и сник парень. Видать к Аглае у него серьёзно все было.

Вакх, её брат, Великий Виноградарь – он собирает кровь земли, это не то, что эллинский Дионис – моск фыркнул. – А Дали на своих волосах из самых глубоких ущелий смелых охотников спасает. И не раз помогала Амирани, вытаскивая его силой светящихся волос, когда он богам вызов бросает. Богоборец он! Вот эта любовь не надуманная. Он – охотник, богоборец, исследователь – идёт вперёд, не страшась смерти, и знает, что его возлюбленная ждёт. Он приносит себя в жертву за людей. Амирани чем-то напоминает эллинского Прометея, и также боги приковывают его к скале, а его верная собака лижет эти цепи, и, когда она их слижет, освободиться Амирани. А Дали рядом с возлюбленным, кровь его утирает, от яда капающего на него оберегает. Знаешь миф, как боги сотворили человека, разделив его на две половинки

и бросили в мир, что бы каждый мужчина искал только свою женщину, а женщина своего суженного? Только объединившись, они опять станут целым, единым человеком, изначально созданным богами. Так вот Дали с Амирани были половинками одного целого, и нашли друг друга. А если женщина не твоя половинка, так она всё равно уйдёт. И горевать тут не о чем.

– Не бывает такого, – горько вздохнул Илья.

– А мои? Они едины – возмутился Фифа, вспоминая отца и мать. – И твой отец до сих пор верен ушедшей в мир мёртвых матери.

– Ну, дед с бабушкой, они люди особые... – парень потряс головой, усмехнулся. – А если говорить о единение двух половинок, которые образуют одно целое... Как же это должно быть больно, когда одна из них уходит...

Ребята притихли, представляя это. Яська обнял Данку, уткнулся лицом в её теплую пушистую шерсть. Запах родного существа отогнал все грустные мысли.

– Знаешь, Иль, а я бы всё отдал, чтобы испытать это единение, даже зная, что потом я останусь один, калекой. Ведь именно калекой будет человек, потеряв свою половину. Понимаешь, ведь это очень интересно... Человек живёт, занимается своими делами и не знает, что он обделён, даже жёнится, рождает детей, но он не знает, что он не полноценен, пока не встретит свою половину. И только с одной – единственной, предназначенной для него женщиной, он становится полным, целостным. А потеряв её, он становится таким же, как все. Только отличается от других – целостным он был. Он был подобен богам.

– Не, это не для меня. Я лучше, как все, – Фифа поковырял палкой в костре, давая огню новые силы. – Вон, Лялька вырастет, я на ней женюсь. Девчонка красивая, за ней рудники дают. И выйти с ней не стыдно. Детей нарожает...

Знаете ребят, у каждого своя судьба, – Алесь тоже прокручивал свою жизнь. – и если не суждено, выше головы не прыгнешь.

– Кто тут о судьбе говорит? – к костру из тени подошел со-

всем немолодой моск. Одет как странник – в башлыке, плаще, сапогах и с кифарой под мышкой.

У костра тут же оживлённо зашевелились.

– Бадри, бадри... – слышался шёпот. – пророк и певец.

Тут же раздвинулось место. Даже постелили откуда-то появившуюся шкуру. Мужчина благодарно кивнул и уселся.

– Ну, что байки травите? – глаза бадри хитро залучились. Он взял кифару и начал медленно перебирать струны. А потом полился голос. Не громкий, но сильный, берущий за душу, окрашивающий мир новыми красками. И картины древнего мира в пламени костра начали оживать. Песнь струилась рекой, как жемчужины, нанизывая повествование.

Это было время, когда ещё не пришли сюда Олимпийские боги. Задолго до взятия Илиона и рождения ироев. Когда ванны только осваивали места, где сейчас Кария, Киликия и земли Фригийские.

Жил тогда в горах змей величественный Иллуянка. Знал он все тропы на земле, все руды в недрах. Горные пики он освещал огнём, вздымающимся в небо. Где он проползал, разливались огненные реки, а потом люди там металл находили.

Огонь в костре потрескивал под звуки песни, словно подтверждая огненный путь древнего змея, который жил в глубокой расщелине, уходящей в самое чрево земли. Молодёжь слушала бадри затаив дыхание, боясь спугнуть возникающие видения.

Был Иллуянка величественен и огромен. Две головы и две пасти имел древний змей. Его большая голова ссорилась с малой, находившейся на хвосте и, когда они сцеплялись, дрожала земля. Сотрясал змей её своими телодвижениями, а огонь от его тела расходился, повсеместно сжигая леса и дома людей... Но не замечал этого Великий Змей. Ему было хорошо в огне. И чем больше разгоралось пламя, тем лучше ему было. Успокаивался тогда Иллуянка и засыпал. И вокруг начиналось затишье. А, просыпаясь, он опять оползал свои владения, разливаясь огненной рекой.

Надоело это богам, и решили они поубавить огня на земле. Но кто выйдет на бой с Огненным Змеем? И тогда Тор, божественный коваль, в чьей власти были молнии и гром, решил сразиться. Ковалю не привыкать работать с огнём.

И сшиблись Тор и Иллуянка. И бой был в жарком пламени. Но не смог одолеть Тор Огненного Змея. Своими головами Змей вырвал сердце и глаз Тора, ослепив его огнём.

– Н-да, что-то боги у нас какие-то кривые. Один – Варун глаз сам отдал, глаз солнцем стал. Кузнецу вон – выбили..., – хмыкнул Илька себе под нос. Яська хихикнул, дослышав комментарий друга.

Бадри гневно зыркнул на столь непочтительных к богам мальчишек. Свет пламени отражался на его лице тенями, отображая мечущиеся мысли. Удивлённо вверх поднялась бровь. Словно пророк сквозь огонь что-то смог разглядеть – чуть видимое, тонкое, дрожащее, неуловимое...

Не прерываясь, песнь лилась дальше, сквозь языки пламени. Бадри всё рассматривал смущавших его ребят.

Тогда Тор создал себе сына. И сын породнился с домом Иллуянки, женившись на одной из многочисленных дочерей змея, юной Змеевне.

Яська так и услышал илькин голос, но парень сидел, зажав рот, чтобы не перебить певца. А голос при этом был такой ясный, такой отчётливый:

– Опять очередной бронзовый человек. Что в кузне Истинуса, или Ифеста, что у берегов древнего Корфу – Тантал... Нам бы их в армию. Цены бы им не было.

Ясон хмыкнул, пряча усмешку в колени. Их перемигивание не скрылось от бадри. Он только покачал головой, заканчивая песнь.

Как свадебный дар сын Тора потребовал глаз и сердце отца, и вернул их богу. И тогда Тор опять сразился с Огненным Змеем, завалив его вместе с домом. Иллуянка рванулся на поверхность, но Тор отсек ему одну из голов своим оружием, мечущим молнии. Расступилась земля, и погребла Великого Змея, потерявшего силу, навсегда скрыв его в своих недрах, вместе с его домочадцами. И сын Тора канул в землю, вместе

со всеми. Принёс его бог в жертву, ради своей победы.

– Гхыр. Одноразовое оружие было, – выдохнул Илька, не в силах сдерживаться. – А что у кузнеца за метаящие молнии меч был? Или секира какая? А почему молнии метала? Заряд какой силы?

– А где этот Иллуянка ползал? Жилы какие вышли? После него какой металл остался железо? Золото? Серебро? Или медь? Шахты уже стоят? – Фифа, не отставая от друга, тоже набросился на бадри с вопросами.

Яське жаль стало сказителя. В Моских горах к бадри всегда уважение: страх питают, думают над тем, что сказал, урок из услышанного выносят. Притчи все мудрость имеют, неспроста пророк им это рассказал. А тут... Да, бадри с эгейцами не сталкивался.

Начинало светать. Показался первый луч солнца. Маленький ещё, совсем слабый, прорывающий тьму ночи, оповещающий о наступлении нового дня.

– Ты, – певец пальцем указал на Алеся. Юноша даже вздрогнул от неожиданности. Бадри запел, но его голос был совсем другим, отстранённым, ушедшим в себя. Совсем не так перед этим исполнялась легенда. Голос бадри был наполнен лязгом железа, и стуком копыт. В нём слышалось наслаждение битвой и воля к победе. Он пел, что Алесь станет великим воином, о котором будут слагать легенды. Что он выиграет великие сражения и станет непобедимым. Что прямой, подобно мечу, он будет мчаться вперёд, преследуя вра-

га и триумф его будет между двух рек.

Глаза у юноши загорелись, он приосанился, но бадри уже повернулся к Ильке.

— Ты, юноша, вождь и бог, как яшень незыблемый на ветру. — Полилась новая песня, чистая и величественная, подобная гимну.

Она звучала на восходе солнца, словно приветствуя его и впитываясь ярким светилом. Он пел, как Илька из мириад звёзд скует то, что будет защитой для всего народа, на страх врагам. И нет для них других богов, кроме тех, что внутри каждого из ребят, а этот мальчишка — воплощение Тора.

Илька, задумавшись, уставился в огонь. Бадри уже пел для Яськи.

— Огнём и мечом ты понесёшь веру в друга своего. Ты его первый жрец.

И всё. Так мало... Ясону даже стало обидно — ни тебе боёв, ни тебе подвигов. Дальше была Фифина песнь.

— Кряжистый дуб, — звучал голос бадри — тихо размеренно и загадочно. Предсказания лились как единая песнь, но каждый получал свой фрагмент. Теперь бадри пел о Фифе, о его даре видеть зарытые двери, и возможности пройти путём предков, что дано не каждому. Предсказания становились более загадочными и замысловатыми. Он говорил о далёком будущем, когда Фифа выйдет на свой путь, и пойдёт там, где для других глухая стена. Что недра для парня, да и вся земля — открытая карта. И он станет Владыкой, и ещё

покорятся ему земли и камни. И ничего тайного для него не будет, слово ему заветное откроется.

А Кузьке бадри петъ не стал. Взрослый мужчина стал перед мальчишкой на колени, склонил седеющую голову.

– Этим путём я бы никогда не пошёл, и если ты ступишь на него, он для тебя будет последним..., – тихо проговорил пророк.

Теперь все ошарашено смотрели на рыжего иллирийца. Что же предсказал ему бадри, так и осталось загадкой.

Мальчишка шмыгнул носом, и задорно усмехнулся, ещё и подмигнул смотрящим на него друзьям.

– Что, испугался? – глядя в глаза пророку спросил он. Но Яська видел, что рыжий сам боится. О чём они говорят – было непонятно. О стране Мёртвых, куда ходит Кузька как гость, или есть ещё тайна, о которой рыжий молчит.

Бадри поднялся, осмотрел небо...

– Рассвет, – вздохнул он. И уже другим голосом, сильным, звонким, добавил: – А ну-ка, раздевайтесь и – бегом по росе!

Молодёжь, находясь под впечатлением от услышанного, безропотно разделась и пошла в траву. Под первыми лучами восходящего солнца луг окрасился многообразной палитрой открывающихся цветов. Мелкие маки алыми всполохами встречали солнце. Рядом бледно жёлтые, почти белые нарциссы изящными кучками группировались в траве. Словно маленькие полисы, гордые и независимые, в окружении расцветающей зелёной травы. И вокруг, словно огоньки,

разноцветные мелкие тюльпаны – белые, жёлтые, красные, розовые...

Капли росы дрожали на зелёной траве, перекатывались на раскрывающиеся лепестки цветов.

Чистые капли ловили лучики солнца и, преломляя их радугой, возвращали в мир.

Мальчишки несмело шли по влажным цветам, по траве, доходящей им до колена.

– Ну! – Кузька толкнул брата в спину. – Догоняй!!!

И пробежавшись по траве, рыбкой прыгнул в неё, впитывая в своё чистое молодое тело наполненные солнцем и запахом цветов, капли росы. Ребята побежали следом.

Они гурьбой катались по траве, собирали росу руками и лили друг другу на голову. Они скидывали оцепенение от песен туда, назад, в землю. Они смывали всё плохое, свои страхи, свои опасения, наполненными первым солнечным светом каплями воды. Они смеялись. Они кувыркались. Они были вместе. Они были едины. Перед ними была вся жизнь впереди.

Возвращаясь домой, Алесь предложил поспать в Логове, их отсутствие на занятиях простится, как только узнают, что мальчишкам довелось столкнуться с бадри.

Спать под крышей после купания в росе не хотелось. Мальчишки распрягли коней около Логова. Там росло дерево, отбрасывающее тень на довольно уютный холм, покрытый травой. Вот его и выбрали для сна. Алесь сел посреди-

не облюбованного места.

– Ну, идите сюда – пригласил он мальчишек.

Кузька тут же калачиком свернулся на коленях брата.

– Опа... он уже спит – хмыкнул Фифа подсаживаясь к Алесю с одного боку. К другому пристроился Яська.

Илька стоял, задрал голову, рассматривая небо.

– Тёплый день будет. Солнечный – наконец заключил он, потряхнув волосами. Обернувшись, окинул Алеся, окружённого друзьями задумчивым взглядом. – Смотрю, все насесты заняты.

– Иль, давай, иди к нам! – позвал его Яська. Глаза слипались от бессонной ночи. Рот сам собой раскрывался, зевая.

– Садись, лады ломаться, – Алесь, смеясь, смотрел на непоседу.

– Да не хочу я спать, – отмахнулся мальчишка, но всё равно подсел к остальным, примостившись к иллирийцу спина к спине. – Знаешь, странно всё это. Я как будто на жизнь иначе посмотрел. Всё какое-то мелочное стало, нереальное. А настоящее где-то впереди.

– Эка загнул... – хмыкнул командир эфебов.

– Олеж, у тебя – то свадьба, когда? – тихо поинтересовался Илька.

– Не знаю, – Алесь вздохнул, – сложно там всё.

– Но ты же Баську любишь?

– Люблю, и что с того? Артабаз завтраками кормит. А отец, наконец, сказал, что дочь сатрапа не для меня. Такой,

какой есть, я Артабаза как зять не устрою, он Баську подороже продать норовит. А если удастся из-под ахеменидов выйти, то это такая война будет... И будем мы с ней по разные стороны. Что делать – ума не приложу.

– А есть она, эта самая любовь, или мы её придумываем, чтобы жизнь скрасить? – Илька говорил тихо, но Яське его голос всё равно не давал заснуть. – В мифах, легендах, всегда о любви говорят. Описывают её так красиво... Женщины верные, приходящие на помощь мужьям. Или закрывающие их в бою своим телом, как Ипполита Тесея. А есть ли она в жизни? Вот так – взял Баську и умчался бы с ней...

– Ага, чтобы тут же отца моего, какой-нибудь Мемнон прирезал..., – Алесь вздохнул. – Мы же не в мифах живём. Тут политика, государство... всё взаимосвязано. Будь оно неладно.

– А если именно она твоя половина и другой не будет? – Ильку опять куда-то несло, мешая другим спать. Яська заворочался. Рука Алеся посильнее прижала его. Тепло от тела иллирийца погружало в сон, но опять мешал илькин голос его умствования. – Может, ты сам себя убедил, что любишь? Мне кажется, встретить я свою половину, никогда бы не выпустил, чтобы приросла, и всегда была бы со мной. Только какая она, эта половина? Человек же сам себя мало знает, а тут... Мне кажется, встретить то, что принадлежит тебе, и уже не нужно ни подвигов, ни славы. Человек, когда счастливый – очень эгоистичный становится и держится за своё счастье,

наподобие животного, и зубами, и когтями, лишь бы не отобрали. Вот где бы встретить то, что тебе суждено. Ту единственную, чтобы с ней в счастье и любви прожить жизнь.

– Иль, да заткнись ты! – не выдержал Яська. – Я ритуал знаю. Найду я тебе твою половину, только поспать дай.

– Точно знаешь? – оживился парень, даже обернувшись, заглянул в недовольное лицо моска. – Найдёшь?

– Обещаю. Только дай поспать. – Ясон был готов пообещать, что угодно, лишь бы друг замолчал. Ритуал он, правда, знал. Там время высчитывать астрологическое надо, ну и сил отберёт немерено. Но это потом, сейчас он поспит. Что же Ильке – то не спиться, ведь именно он больше всех поспать любит, не зря же его сёстры Снюшой кличут...

Наступила тишина. Яська довольно вздохнул, устраиваясь поудобнее на Алесе. Сон своим крылом окутывал его, погружая в тёплую негу.

– А давайте я поговорю, – раздался голос Кузьки.

– Спи, и тебе найду, – буркнул Ясон, прекрасно понимая к чему тот клонит. Ну что за люди такие, самим не спиться и другим не дают!

Так в обнимку они и заснули, и только Время, неподвластное человеку, могло ответить на все их вопросы. Только время покажет, будут ли они счастливы в дальнейшем, сбудутся ли пророчества бадри, и что есть на самом деле, а что плод воображения. Время – это великий судья над всеми деяния-

ми человека, над его чаяниями и надеждами. Над ложью и правдой тоже властвует время. Только оно всё соединяет и всё разъединяет. Оно не подвластно даже богам.

1 глава

Дорога к Эгам. 344. г. до н.э. Лето.

От Ильки.

– Илечка, возьми меня с собой! – Сурик стоял рядом и ныл, пока парень укладывал вещи в мешок. – Ну, Илечка...

– Ты ещё маленький, – Илька проверил собранное, прикрепил к мешку моток верёвки, уложил огниво. Мозги работали в другом направлении – что-то он ещё забыл взять...

– Мне уже тринадцать исполнилось! А Павке только четырнадцать, но он же идёт, – не сдавался сын Филиппа.

– Через месяц ему пятнадцать, как всем... – отмахнулся парень, прикидывая в руке мешок. Можно ещё что-нибудь уложить...

– Илечка, возьми! Я тоже на Олимп хочу! – Сурик уселся на илькиной кровати, на которой тот собирался. – Не возмёшь – расскажу, куда вы пошли!

– Попробуй только... Вернусь – голову сверну. Никто и не заметит, – Илька осмотрелся, вроде всё собрал. Его спокойный уверенный тон не давал мальчишке и шансов на надежду участия в новой авантюре.

– Только ты меня маленьким считаешь! – Сурик насупился. Достал из-за пазухи расшитый кушак. – Смотри, что мне Барсина подарила. И почему такая красивая девчонка должна Алесю достаться? Мне она тоже нравится!

– Стара она для тебя, – Илька закинул мешок за спину. Ещё раз, последний, окинул свою мансарду взглядом. – Уберёшься тут.

Мальчишка кивнул.

– Но ведь тебе Аглая тоже нравится? Почему же мне Барсина не может? Она старше всего на четыре года.

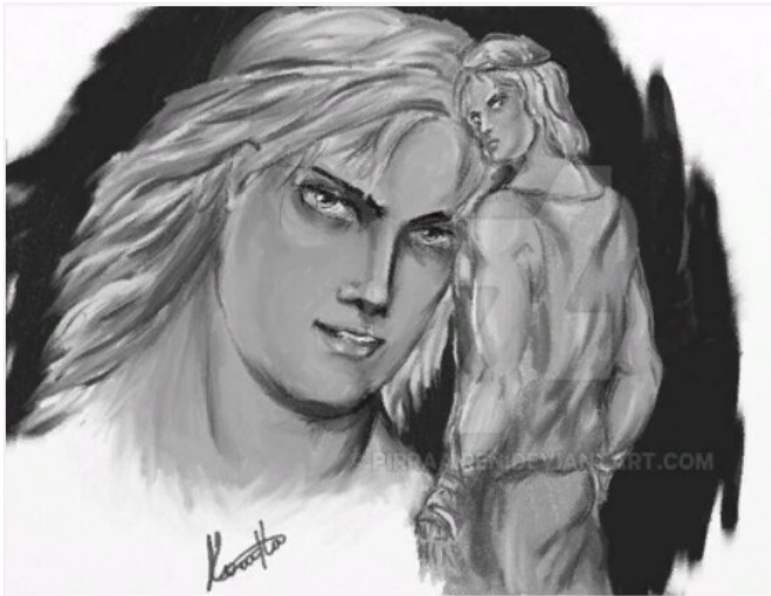
Илька тяжело вздохнул.

– Тема закрыта. Всё, ушёл, – парень вышел, пошёл спускаться вниз, оставив мальчишку на своей мансарде.

Сурик, конечно, растёт, уже на девчонок засматривается, даже с ними к городским девчонкам бегает, на желание играть. Это когда амфору крутят: горлышко – пробка. Пробка горлышку самые нелепые желания может загадать, хоть на дерево залезть и ослом кричать.

Сурик всё время поцелуйчики загадывать стал... Ну, кому что...

Сколько раз той же Барсине при игре, приходилось взбираться на ёлку, и кричать оттуда филином. Так она оттуда ещё и шишками кидается. А Сурика она только в маковку целовала. Илька сам видел. Да и Барсина мелкому нужна только потому, что она с Олежиком.

– Сплюш, не рано поднялся? – сестра накрывала на стол к завтраку, расставляя тарелки под кашу.

– Калк, я тут смотаюсь, дней на шесть – семь, – Илья чмокнул сестру в щёку. – Мясо с собой дай.

– Бери, конечно, но если Атта хватится?!

– А ты валик положи на кровать, и моё присутствие создай. Ну, мало ли, по каким делам каждый день уматываю. Прихожу поздно, он уже спит, ухожу – он ещё спит, Атта не заметит.

– Ой, Иль, не знаю, Атта и ночью заходит к тебе проверить, – Кали покачала головой, насыпая брату ещё печенья.

– Сестра ты мне или нет?.. – парень ещё раз поцеловал сестру в щёку и помчался на выход, пока Атта не встал.

У крыльца уже ждал Леапп с лошадьми. Парни быстро поскакали к месту встречи с остальной тайной группой, под Кузькиным деревом. Согласно илькиному расчету, хватиться быстро их не должны. Прибыла делегация из Дельфов, тайно прибыла, не привлекая к себе внимания. Решение с ними вопросов отнимет у родителей массу времени и сил. Они должны были обменяться сведениями, уточнить новые действия...

Вчера, вон, мужичонка с Лесбоса прибыл, невзрачный такой, только глаза хитрые, цепкие и умные. Илька бы вообще на него внимания не обратил, ели бы только Атта с Филиппом домой его на обед не притащили. Забавный мужичонка оказался. Никомахом зовут. Он вроде зять Ермия. Много разных историй знает. От Ермия доносы привёз об ахеменидах. А потом как выпили, так с дядькой Филиппом философствовать начали. Они с Аттой только хихикали над их понятием о мироустройстве.

Этот Никомах тоже дельфийский какой-то жрец. В медицине разбирается, в ядах. Такой невзрачный на вид, к себе внимание не привлекает, как лекарь или философ – во многие дома вхож, везде сведения собирает – удобно. Правда, Атта говорит, что как этот Никомах разоденется, ну там ги-

матий шитый, кольца на руках, патлы накладные – совсем иначе выглядит, даже не узнаешь. В таком виде он с философами пьёт. Зато разодетому Никомаху вход открыт в любые богатые дома, а там и сведения нужные. Хорошо, конечно, дельфийские иеры маскироваться умеют. Вот отсюда и данные у них, и знания – кому кредит дать, кому отказать. Ходят такие жрецы то как нищие певцы или лекари, то разодетые – философы...

Под деревом уже все ребята собрались. С Кузькой Алесь прискакал и теперь перепроверял всё снаряжение, что молодёжь с собой берёт. Ответственный... Будто ребята не знают, что с собой взять.

Алесь проводил их до выезда из города. Подъехав к Ильке, он заглянул под широкие полы петаса – шляпы, и последний раз попытался отговорить ребят от задуманного.

– Иль, ты уверен, что надо? Ну, какая разница – есть на Олимпе боги или нет? Людям – то всё равно. Верят – и ладно...

– Олеж, мне надо знать для себя, – парень вздохнул. – Я хочу знать, как относиться к этому миру, к богам. Во что верить...

Это был не первый разговор, и Илька боялся, что не последний. Сейчас дядька Филипп вводит поклонение эллинским богам взамен старых. Олимпийцы сидят на Олимпе в своих божественных чертогах, а на самой верхушке трон их басилевса, Зевса -по крайней мере так говорят их жрецы. Ведь врут, поди... Смотрел он в зрительную трубу, никого не видел. Значит, надо сходить. Ещё и Сурик, когда услышал, верещал:

– А как же боги?! Они разозлятся, с Олимпа вас скинут!

Это потом проситься стал. Если там боги есть – ну, поклонимся, приношения дадим... Простят, не простят, но увидеть богов – уже великое дело!

– А если их там нет? В кого верить будешь? – Алесь беспокоился не на шутку. – Как жертвы им приносить?

Илька усмехнулся. В кого?

– В тебя, в ребят, в себя, в Атту... Знаешь, Олеж, Истина – она всё равно всегда есть, ей внешний образ не нужен, даже если там боги не сидят. Справедливость тоже никто не отменял. И Свет, внутренний, что в нас. А ритуалы... Я же для себя иду... а не кричать на всех перекрестках, что олимпийцев не существует. Жертвы, скорее, для сплочения людей нужны, для их веры, их спокойствия... И ритуалы я буду истово проводить, с чувством, отдавая себя, если там богов нет. Нам всё равно за собой вести, так у людей вера должна быть, и не только в богов, но и в нас. Смотреть всё надо...

Алесь обнял его, поцеловал на прощание.

– За Кузькой присматривай, Эктор говорит, спал он плохо, метался... И вообще, береги ребят!

Илька кивнул. Алесь обнял каждого из парней.

– Восемь дней, последний срок. И ещё... Если что, свяжитесь. Гегелох нас не зря же учит, – командир эфебов что-то чересчур нервничал. Если бы шёл с ними – спокойнее бы был.

– Ага, свяжись, – Павка горько хмыкнул. – Что Олежка, что брат... Они же тупые, даже если что и дослышат – переврут. Свяжись с ними...

– Ребят, удачи! Илька, береги их! – Алесь остался в городе прикрыть их отсутствие, мальчишки же помчались к Олимпу.

За три дня группа добралась до Диона, маленького город-

ка рядом с Олимпом, скорее даже, селения.

Тут был расположен храм богу, а вокруг расположились дома слугителей и небольшой торг при храме. Да и сам храм представлял собой простой каменный алтарь в окружении священных деревьев и водоёмов. Вот за ними жрецы и следили.

Пока Илька с Павкой омывали камень водой и расчищали святое место, Кузька с Фифой купили козлёнка для жертвы. Маленький серый козлёнок упирался, блеял, когда ребята тянули его к алтарю, но, увидев, выходящую из-за священного камня Данку, сначала растерялся и замер, а после, расставив тонкие ножки и наклонив голову, воинственно пошёл на барсиху наставив на нее едва народившиеся рожки.

– Хорошая жертва, смелая. Бог смелых любит, – одобрил козлёнка Павка, набрасывая ему на шею торжественный венок, сплетенный Яськой. Козлёнок, уже в веночке, попытался напасть на мальчишку. Пока животинка была озабочена противниками перед собой, Фифа тихонько завязал ему бантик на хвосте. Получилась на удивление хорошо разукрашенная жертва.

Местные с интересом рассматривали явившихся к ним ребят, совсем ещё детей, не посвятивших ещё волос богам, но таких самостоятельных, что путешествуют без взрослых. Ни у кого даже святотатственной мысли не возникло, что де-

тишки собрались покорить Олимп. Поблизости как раз жили дии, обучающие фехтованию Ареса, так местные были уверены, что мальчишки именно туда собрались. Даже отговаривали их, советовали приехать года через три. Десять учителей диев брали на год не больше двадцати учеников из эфебов. Да и чтобы попасть туда, надо сдать ещё экзамены.

Илька уже рассмотрел священную рощу Ареса, где проходит посвящение в александроса, отсюда она как раз неплохо видна, эта роща... Ага, слово красивое... И Алесь всё время рощей называл. Гора, целиком покрытая дремучим лесом. Именно там, по бурелому, за оленем бегать приходится. Интересно, конечно, там побродить. Ведь в лесу, столь дремучем, наверняка древние святилища скрыты. Вот будет там учиться – поищет.

Павка запел гимн богу чистым, сильным голосом. Яська возложил на алтарь украшенного и связанного за ноги козлёнка. Пел он божественно, с чувством. Даже птицы примолкли, слушая мальчишеский голос. Лицо Павки было одухотворённым. Светлые волосы, развеваемые ласковым ветерком, словно сияние создавали вокруг головы. Голубизна летнего неба, его глубина отражались в мальчишеских сияющих глазах.

Голос летел в божественный эфир, как изначально вышедший оттуда и теперь возвращающийся домой, в мир богов, сияющий и звенящий своей чистотой, как ветер, скользящий между вершинами гор – мощный, свободный и холодный. И

сам мальчишка выглядел отстранённым, как боги, не соприкасающиеся с миром людей. Словно один из жителей эфира явился к алтарю.

Местные собрались послушать. Одни делали вид, что они просто мимо проходили, другие же, слушая гимн, сами начинали молиться.

Яська одним движением перерезал горло козлёнку, и тёплая кровь заструилась по алтарю под исполняемый гимн. Алтарь был новый, видимо недавно поставленный на старом месте силы, посвящённой богу. Что тут и раньше молились – чувствовалось: наработка была большая. Вот только какому богу? Все просто говорят – алтарь богу, а какому? Эх, старый бы алтарь глянуть, а не этот, современный, поставленный для паломников и учеников диев. Диосом ведь любого бога назвать можно и Диониса – Ниссенского бога, и Ареса, и даже недавно появившегося олимпийского Зевса. Хотя его так и называют Диос – бог. Все боги. Потому Павка и избрал для песнопения гимн, где имя не упоминалось, чтобы богов не обижать. Они сами разберутся, кому жертва, кто из них самый голодный.

Последнее затихающее “ме” зверушки совпало с высоко уносящейся нотой гимна, отправляя душу козлёнка прямоком на обеденный стол бога.

До Олимпа мальчишки решили доехать на своих конях, а потом Павкин педагог их заберёт и будет ждать ребят уже в Дионе.

Олимп ребят встретил дикими зарослями оливы. Лето выдалось жарким, но к трону Зевса предстояло идти сначала через лес, а потом карабкаться по леднику. Мальчишкам пришлось одеться. Это до горы они могли свободно прохладиться в одних хламидах, бесформенно окутывающих тело, или как крылья, парящие за спиной, обдавая тело ветром. Правда, Илька не расставался со своей шляпой, ну, это чтобы голову не напекло. Взяв еды на два раза, жертвы для богов и каёлки с верёвками, сложив всё в мешки, парни одели штаны и хитоны. Яська их ещё дома учил, как по горам лазить, даже на несколько горных вершин залезть заставил, что бы подготовились.

Ребята закрепили оружие. Так, на всякий случай, мало ли кто в лесу на них выскочит. Кузька засунул в мешок Леаппа пару кроликов, пойманных в дороге его кречетом. Хозяйственный Фифа хотел именно их принести в жертву богу, чтобы не тратиться на козлёнка. Но кролики были в таком непотребном состоянии, исполосованные птичьими когтями, что потребить их бог явно побрезговал. Может, будь они какими-нибудь лаконцами, тоже бы в одних хламидах по лесу и горам прыгали, словно дикие волки. Но что-то не хотелось встречаться с колючками малины, или острыми ветвями. А уж то, что они в малинник полезут, Илька не сомневался. Ягода уже поспела, кусты её уже отсюда видны. Это вон, олива ещё не созрела... Судя по зарослям, на Олимпе вообще ягод должно быть много самых разных. Вот и к бо-

гам сходим, и угостимся с ними.

Кузька на прощание поцеловал своего коня, даже всплакнул.

– Красава... Вот заберут меня боги, кто тебе хвост в косяцы заплетёт, кто за ушко сладенькое куснёт...

Конь недоверчиво, с опаской покосился на хозяина, быстро поджимая уши.

– А что, ты его кусал? – заинтересовался Фифа, пытаясь рассмотреть на мохнатых ушах следы зубов. – Это у вас ласки такие?

Илька вздохнул.

– Пошли уж... – ну, куда они без шуток, плясок – даже на Олимп без них не подыматься... И как их боги терпят? Вот и ещё доказательство, что три вершины горы пусты. Да и что богам там делать! Посейдону, скорее, под водой престол иметь должно, а Аид где-то в снегах.

Сначала мальчишки пробирались сквозь оливы. Интересно, это тоже священная роща, посвящённая богам? Если да, то больно заросшая, и боги тут вообще не ступали. Зато вот кабаны пробегали, наследили. А козы тут просто жили, обитали, паслись, развлекались, группировались – их тропами вся земля испещрена. И если они тут боги, то олимпийцы тоже должны быть на копытах и так же скакать, чтобы жить на Олимпе.

Роща олив была большая, тянулась высоко. Одну из козих троп мальчишки выбрали себе, как дорогу. Наверно, от

этих диких олив и гора своё название получила. Всё подножие ими заросло.

– Значит, если две половинки соединить, будет целое, – Кузька вытер испачканные малиной руки о штаны и выразительно посмотрел на Яську. Парень кивнул, старательно набивая рот ягодой.

– А два целых соединить – будет бог... – с другой стороны к нему уже подходил Илька.

– На днях ритуал проведу, найду вам ваши половинки, только звёзды в нужную позу встанут, – Яська старательно прожевал. – Обещал – сделаю.

– В какую это позу у тебя звёзды встанут? – Фифа с интересом почесал в голове, перебирая волосы, представляя позы звёзд. Павка прыснул.

– Да ну тебя, Фиф, меньше с шалупонь общайся, а то и не такие картинки выдумаешь, – покраснел Яська.

– А успеешь, ты же на днях уедешь? – вернулся к животрепещущей теме Кузька, предоставляя незаинтересованным сторонам хихикать над звёздами в отдалении.

– Куда это он собрался? – Илька опешил. Друг им ничего не говорил, один Кузька в курсе.

– Ой..., – спохватился рыжий. Наверно говорить нельзя было.

– Ну да ладно..., – иллириец махнул рукой. – Яську бадри на панкратий выставляет за две драхмы. Против того, кто Приама сломал.

– Так запрещено же, – ахнул Фифа.

Илька задумался. Ну да, Ясон не эгеец, вроде как на него запрет не распространяется. А бадри их, моский, тут задержался, сейчас Кузька у него учится пророческому стихосложению больше всё равно не у кого.

– Под именем Геур пойду – мститель, – Яська осуждающе покачал Кузьке головой. Тот только развёл руками.

– А что я... Само сорвалось. Парни, может, за вепрем поохотимся? – тут же попытался он перевести тему. – Их тут много.

– Нет. Мы не за этим идём..., – Павка остановил иллирийца, готового уже пустить птицу на выслеживание.

– Пошли, нас небо впереди ждёт... – поддержал Линкеста Илька.

– Скучные вы, нет в вас охотничьего азарта, – хихикнул Кузька и помчался догонять ушедшего вперёд Ясона. Моск по горам прыгал точно молодой козёл, вместе с Данкой они всю группу вели вперёд. А кабанов, действительно, было много. Мальчишкам даже пришлось притаиваться, когда самка с поросятами возникла из зарослей, и целенаправленно протопала по своим кабаньим делам. Секачи по дороге попадались. Огромные, матёрые, с жёлтыми клыками, торчащими из пасти и мелкими злыми глазёнками, выскивающими соперников.

На земле видели и следы барсов. Илька по ним не мог определить, каких именно, но точно это были не пантеры.

После пантер запах терпкий, мускусный остаётся. Барс же его лишён. Вообще барсов два вида, мелкие с длинным хвостом, такие как Данка. Они ещё ирбисами или вепхеурами называются – солнечными зверями. В древности их рядом с богиней Ирой изображали, когда её ещё Русой называли. Сидели они около её трона на небе, и, как протуберанцы, бросались в бой, по движению руки матери Солнца. Другие же барсы крупнее, с коротким хвостом и кисточками на ушах. Таких гораздо больше. Даже в отряде “барсов” они доминируют. Вепхеуры же только у самых удачливых охотников или знати. Как говорит Яська, у них в горах правители и жрецы ходят высоко на вершины, чтобы выпить с солнечным зверем, воплощающим в себе Вакха.

Так, за разговорами, шуточками и подколками, мальчишки двигались вверх, к трону Зевса. Илья, идя, думал, что Олимп похож на державу Ахеменидов. Огромен, силён, масса сатрапий – а трон? Неспроста правители так часто меняются... Вот сейчас колдун Ох сидит, и восстания постоянно в сатрапиях. Пылает Сидон. Его правитель даже за помощью в Та-Кемет обратился. Атта Таннеса сидонского очень хорошо знает ещё по обучению в Эфесе. У храма Эфеста – или Ифеста, если хотите – филиал в Сидоне по ювелирному делу. А теперь Таннес пропал, Атта говорит, что даже вестей нет, и связаться с ним никто не может, или ерунда какая-то получается. То словно вообще человека нет, то что-то странное. Ментор, который при Артабазе был, туда отъехал, вро-

де в сам Та-Кемет. В эгейских землях родоссы Ментор и Мемнон как соглядатаи были, Ментора же Ох письмом вызвал, и сразу он к Таннесу отправился. Неужели правитель Сидона ему поверил? Это же верные псы ахеменидов... Илька вздохнул – все эти тайные игры с соглядатаями, тайными убийцами, всякой магией... И что, так всю жизнь будет?

Они вышли на горную террасу открывающую великолепный вид как на самую высокую вершину, так и на простирающийся пейзаж у подножия. Там шевелилось от ветра зелёное море буйной растительности.

– Красиво как! – восхищённо выдохнул Павка, затаив дыхание. Мальчишка застыл у самого края, вглядываясь в даль.

– Открытые просторы и зелени река – Теперь до трона бога почти рукой подать! Вперёд, по голым скалам, потом снегами быстро – И вот мы на вершине, к престолу мы стремимся.

Нам снегом путь усеяла прошедшая здесь туча,

Но мы на пике встали, как боги мы могучи... – начал декламировать Кузька. Илька усмехнулся. Да, осталось совсем чуть-чуть. Впереди снеговая вершина.

Ребята перекусили прямо тут, на террасе – разожгли костёр, пожарили обоих кроликов. Наслаждаясь видом, они быстро ели мясо. Потом оделись потеплее, и, достав горные каёлки, пошли вверх. С террасы вершина просматривалась хорошо, путь они наметили, но трона видно не было. Сверху их припорошивало снежком, он большими белыми хлопья-

ми медленно ложился на гору – пушистый, мягкий. Это как волшебство – белое, прохладное посреди жаркого лета. Чем выше они подымались, тем холоднее было. Значит, не мог Икар, летая в небе, крылья себе опалить, скорее они льдом должны были покрыться – думал Илька кутаясь в шерстяной гиматий.

И, когда он уже стоял на одном из трех пиков горы Олимп, Ильку накрыло ощущение, что они единственные во всей Ойкумене. Вот тут, на Олимпе, есть только они, семеро ребят, и больше никого... и никаких богов. А весь остальной мир – внизу, у их ног... Выше -только звёзды. Небо было чистым: туча, посыпавшая их снегом, ушла, и, к моменту их восхождения на вершину, звёздное небо стояло над ними. Очень яркая звезда Лося притягивала взгляд, зовя к себе, указывая путь. Яська вслух мечтал о крыльях, лучше железных, чтобы подняться ввысь и лететь, лететь над землёй туда, дальше...

На одном из уроков Гегелюха, когда их учили проходам в разные точки и выходам на разные войны, чтобы впитать дух патриотизма и самоотречения, Яська вылетел. Тогда мальчишка вышел на человека, управляющего летающей машиной. Был бой. Бой в небе. Человек, на которого вышел моск, шёл на другую такую же машину. Шёл не сворачивая. Он знал, что погибнет, что это его последний полёт, но он был свободен и счастлив. Он пел. После этого Яська заболел полётом.

Ощувив один раз мощь и простор полета забыть этого он уже не мог.

Но и на вершине Олимпа простор ощущался, и Ильяка впитывал его всем своим телом. И всё же нет богов на Олимпе, значит прав бадри – боги только в них, как говорит старое учение. Истина – она нерушима, Солнце, дающее жизнь всему живому – тоже неизменно, и звёзды... Их мириады над головой. Вот бы туда подняться, к звёздам. В тот мир.

Не зря они совершили это восхождение, хотя бы ради этой красоты. Чтобы понять, насколько слаб человек перед всей этой природой – монолитной и могучей. Здесь человек словно муравей. Может кто-то, взобравшись на Олимп, и придумал легенду о богах, сидящих здесь. Именно богом воспринимает себя человек, поднявшись на вершину. Этот человек – муравей – тоже может стать богом, пересилив себя, свои страхи, переступив через суеверия...

Пройти там, где никто не ходит, там, где другие боятся ступить, и – стать богом. Если ты хочешь изменить мир, сделать эгейские земли свободными, нужны новые подходы – большие, необычные и решительные.

Ильяка почувствовал, что они смогут теперь изменить, весь этот мир.

А потом они спускались. И опять остановились на той же террасе. Здесь было решено отдохнуть. Пока Лиапп и пеонец готовили их нехитрый скарб, Павка вышел на край террасы и запел.

Он пел ту песнь, которую почти год назад представлял в Метиленах. Здесь, под открытым небом, она звучала иначе, чем под сводами пещеры. Песнь о сотворении Мира, разносящаяся с вершины Олимпа. Песнь, наперекор ветрам и стихиям, простиралась над миром. Мальчишки, затаив дыхание, слушали.

Илька узнавал и не узнавал свои слова и музыку. Она звучала не только иначе, у него возникало ощущение, что это вообще другая, не его песня. Павка пел, отражая всю суть

жизни, взаимоотношения древних богов с силами природы. Мальчишка теперь даже был не уверен, что он это всё написал. Как в жизни всё быстро меняется! Чередой событий, вроде не связанных, меняет самого человека. И в то же время всё взаимосвязано, не бывает случайностей. Так, встреча с бадри послужила толчком на покорение Олимпа, для проверки богов – и себя. Или же всё изначально предопределенно... Сейчас он уже совсем не тот, каким был тогда, записывая песню, пришедшую на ум. Он изменился. А изменился ли Мир? Вот, они стоят на Олимпе, но те ли они, что всходили? Разрешив вопрос об отсутствии тут богов, мальчишки изменили себя. Многие ли полезут проверять наличие Зевса на Олимпе? Вера, суеверие, страхи – вот что движет обычными людьми. А они смогли вырваться из этого замкнутого круга.

Отдохнув, ребята продолжили спуск. Спускаться было легче. Выбирались более крутые места, и по верёвкам они перемещались вниз, сокращая время. Данка прыгала впереди них, умело маневрируя между камнями. Барсиха была в своей стихии. Мальчишки теперь даже не переговаривались, каждый думал о своём, даже по оливковой роще они шли на верёвках, возвращаясь другой дорогой, где встречались даже отвесные места. Снизу открывался отличный обзор на дорогу.

Илька опустился на террасу, крикнул Леаппу, чтобы спускался. Обернулся.

– Что тут? – и едва успел уклониться от разящего меча.

Ребята уже ввязались в бой. Словно осы на них налетели разбойники, сидящие на тракте. На верёвках мальчишки спустились прямо в их гнездо.

На Ильку накнулись двое. Дрались яростно и зло. Уклоняясь, приходилось отступать. Меч висел на спине, закинутый, чтобы не мешал спускаться. Расслабились, однако... Нехорошо. Глупо. Надо же было так подставиться, словно дети малые!

Фифа руками добивал поверженного на землю противника. Так же, как и Илька, выхватить оружие он не успел. Яська на пару с Данкой взяли на себя четверых. Против двоих работал выхвативший меч Кузька.

Илька опять увернулся. Схватив одного из противников рукой за лицо, он оттолкнул его, чуть крутанув кисть, в сторону грота, из которого они высыпали, как из улья. Разбойник отлетел, и мягко осел, стукнувшись головой о камень. Разбил ли голову, или просто шея сломалась, парень, естественно, не уточнял.

Трое из мальчишек ещё не спускались: Леапп, Павка и пенец. Уйдя в сторону от своего второго противника, задрал голову, Илька заорал:

– Не слезайте!

Мгновенное замешательство, и он только и успел увернуться от обрушившегося на него топора. Разбойник рубил топором очень умело, словно всю жизнь этим и занимался. Илька поставил блок рукой, и правой провёл прямой короткий удар в живот. Тот отлетел. Парень тоже, удерживая равновесие, отступил назад. Камень под ногами зашатался, не выдержал веса...

– Илька!!! – услышал он истеричный крик Фифы.

Такая глупость... Как... От неожиданности парень даже не сгруппировался. С высоты он упал на дорогу. Боль в спине.

Нет, он не отключился. Видел всё очень отчётливо, как на

его противника напрыгнул Фифа. Как метнулся к нему Яська, бросая своих разбойников на Данку. Как заскользил по верёвке Павка, влетая в гущу боя. Как резко озверели мальчишки...

Только вот сам он не мог ни рукой, ни ногой пошевелить. Трупик такой лежачий. И вот этого Илька испугался. Как Приам... Да и дед его, Аминтор, или как его по-македонски кликали, Аминта, тоже лежал прикованный спиной к кровати перед смертью. Паника холодными щупальцами сковывала мозг. Всё остальное захватить она не могла, лишь потому, что парень вообще не чувствовал тела.

Словно горный козёл, перепрыгивая с камня на камень, примчался Яська.

– Живой? – не отдышавшись, мальчишка рухнул рядом с ним на колени начал ощупывать друга.

– Лучше бы умер..., – стараясь сдержать обиду, сквозь зубы выдавил Илька.

– Где болит? – суетился юный иера.

– Нигде..., – Илька усмехнулся. Интересное ощущение, словно кроме головы у него ничего и не было. Говорящая голова, можно на ярмарке показывать...Превратности жизни – взойти на вершину Олимпа, а теперь стать недочеловеком. Вот они, происки богов. С небес и в морду, от всей души. Это чтобы букашки себя богами не возомнили. Вот так, испытать могущество, а потом полную беспомощность. Таковы шутки богов! Обиду сменила злость. Он должен встать!

Он сильный! Всё, что происходит, это не с ним! С кем-то другим! Должен!

Илька собирал злостью своё тело. Шевельнулся. Заставил себя повернуться. Яська помог. Положил его на живот. Быстрые, проворные руки моска стали ощупывать спину. Остановились на позвоночнике в районе крестца и присосались там. Вокруг уже собрались встревоженные ребята. Испугались они панически.

Холодок и покалывание струились из-под пальцев моска. Значит, Илька уже начинает ощущать спину. Добрый знак. Потихоньку ощущение тела начало восстанавливаться. Вокруг с причитаниями бегал Леапп.

– Что хозяину скажу?! Не уберёг... Иля... Бедный Аминтор... Иля, ты как... Двигаться можешь? Что делать...

– Перестань ныть, – Павка с размаху дал педагогу подзатыльник.

Яська помог Ильке сесть, потом встать. Мальчишки напряжённо ждали, не приставая с расспросами.

– Ходить могу, – сквозь зубы выдавил парень. Он отстранился от моска и медленно побрёл.

– С теми что? – Илька указал на гору.

– Всех перебили – за мальчишек ответил пеонец.

– Добро. Идти надо, – боль разливалась по всей спине, каждое движение вызывало новую волну боли.

Мальчишки обернулись к Яське, ожидая его решения. Юный иера уже было открыл рот, но Илька перебил его.

– Просто ушиб. Пройдёт.

Парень зыркнул на Яську так, что тот прикусил язык. Оба прекрасно знали, что простым ушибом при падении мальчишка не отделался. Но и позвоночник не сломал.

Потихоньку они добрались до Диона. Илька приноровился к боли, из-за чего шли медленнее, чем хотелось, чаще приходилось делать привал. Причём именно привал, так как стоять было самое сложное. И каждый раз Ясон оказывался рядом, пытаясь снять боль в спине, которая превратилась в чёрный синяк. Мальчишки внизу от летней жары разоблачились. Их голые спины сияли на солнце, и Илькина чернота контрастировала с ними как уголь для топки, лежащий на снегу. При отдыхе они закладывали его медяшками, у кого что было так, что его тело напоминало медную свалку перед печью на переплавку.

– Не везёт кузнецам на Олимпе, – фыркнул Кузька, глядя на медную грудь. – У эллинов с него Ифест летал.

– Да уж, всё одно к одному, – хмыкнул Илька под грудой металла. – Гиблое это место для нашего брата.

Яськина полугодовая практика со спиной Приама не прошла даром. Снять боль и даже лечить он мог. Позвоночник ведь не порез, или даже не рана, тут другая техника. Благодаря усилиям моска стало значительно лучше.

На коня они Ильку посадили боком, для меньшего напряжения спине. Павка, надолго ушедший в себя, вернулся к действительности.

– Попытался связаться с ребятами – глухо. Олежка весь из себя занятой, не пробьешься, не гхыра не слышит. С братом вообще тухло... И чему их Гегелох учил!

– С Приамом попробуй, с Суриком... Может, кто-нибудь откликнется. – Фифа часть илькиных вещей нагрузил на свою кобылу, часть Леапп приторочил к своему лошаку. – В условленное время ведь не уложимся.

– Может, вы без меня поедете, я потом догоню, – предложил Илька, но под гневными взглядами друзей умолк, понял, что был не прав, погорячился... Не бросят, гады, всем влетит за опоздание...

Павке удалось выйти только на Сурика. У мальчишки был неплохие жреческие данные.

Он всё понял, обещал передать Алесю.

В Эги они въехали уже поздней ночью восьмого, условленного дня, после землетрясения. Благодаря частым привалам, приходилось двигаться и ночью. Илька от боли уже впадал в забытье. Но он должен держаться. Просто должен! Он Сильный! Никаких поблажек, так учил Атта, ему командовать армией. Он должен быть примером. Это его долг. Он не имеет права на слабости. Жалеть себя это тоже непозволительная слабость. Он же аристократ, за ним его род. Он потомок знатного рода и должен быть достоин предков, управлявших эгейскими землями. Только Яська был всегда рядом, готовый его подхватить, если всё же свалиться с коня.

В Эгах творилось какое-то безумие. Собирались войска. У

входа в город их встретил малютка Левонтий, остальные носились, не замечая прибывших ребят. Это было им на руку.

Видимо, что-то случилось, и никто не заметил их отсутствия.

Кузька подхватил на руки рыжего и конопатого братишку. Тот тоже доверчиво прижался к брату.

– Ой, и попадёт вам..., – посочувствовал малыш.

Ребята непонимающе уставились на него.

– Так все вас ищут. Войска собирают. Пропали... Или убили..., – малыш спрыгнул на землю, подхватил на руки находящуюся здесь же курицу. – Вот, у меня тоже птица есть.

В семье Пармения у всех мальчишек были свои пернатые друзья: у Олежика – сокол, у Приама – ворон, у Кузьки – кречет, Эктор держал ястреба. Малютка, чтобы не отставать от братьев, завёл себе курицу. Над этим можно было бы пошутить, похихикать, но не сейчас.

Значит, весь этот переполох в Эгах вызван их отсутствием?

– Сурик же обещал, – почти плача, воскликнул Павка.

– Вот вы где! – из темноты к ним подскакал Алесь. – На день опоздали. Я поднял на ваши поиски...

– Олеж, я с Суриком связывался, до тебя не достучался! – Павка виновато заломил руки.

– Он даже не подходил. В театре всё время проводил – пел, – сквозь зубы сплюнул Алесь.

– Мекитра гхырова. Первым бегал, что вас искать надо.

– Подставил, – сухо констатировал, ухмыляясь, Илька. – За то, что с собой не взяли.

– Что с бастарда взять, – Фифа брезгливо сплюнул, выражая своё отношение к мальчишке. – Весь в мать.

Пороли всех, кроме Ильки. Аминтор как увидел спину сына, только схватился за голову. И пошли мазилки, компрессы, настойки. Парню даже стало неловко, что его одного не наказали, из-за него они опоздали к назначенному сроку... Выпороли бы как всех, на душе легче было бы.

Боль в спине не помешала Ильке отмутузить Сурика за мелкое шkodничество. Нет, шею он родичу не свернул, хотя очень хотелось, но синими узорами физиономию ему раскрасил, и, похоже, нос перебил. Будет знать, как ябедничать, ведь этот паршивец и дядьке Филиппу, и Атте сказал, что на Олимп ребята полезли. И уже никакие суриковы причитания и завывания:

“Илечка, Илечка!” его не спасли. Слово держать надо.

2 глава

Эги. 344. г. до н.э. Лето, несколько дней спустя.

От Фифы.

Фифа не успел дойти до базара, как встретился с Когтем. Воровской отъелся, пополнел,

но глаза так и остались хитрые, зоркие, шныряющие по сторонам. Он передал Фифе несколько свитков. Парень их спрятал под хламиду. Сам Коготь и его шелупонь достают интересные документы у купцов. Ну, если честно сказать – воруют. В основном попадались сведения о контрабанде, но иногда и хитросплетения политики.

Идти на базар уже не имело смысла, встреча состоялась, и ребята свернули к казармам. Там одно из помещений по ходатайству Алеся было сдано сиротам. Жил там и Коготь. Шалупонь уже не бродила ободранной по рынку, появлялась только по “государственной надобности”. Именно так они называли проверку купцов на запрещенный товар и документы. За это время все они уже научились читать и могли отличить простые ведомости и письма, от тех, что интересуют Фифу. В этой же казарме шалупонь занималась с учителем, молочным братом Алеся и Приама, Лисимахом – освобождённым от военной службы. Слаб он здоровьем, в армии делать нечего. Отец его – фессалиец, при Пармение выслужился, женат на Тиловой сестре. Хороший воин, а вот

сын подкачал... Парень, сам не так давно закончил обучение, и теперь свои знания передавал сиротам. Кроме него, теперь их обучением занимался и Приам, наверное, не зная, куда приложить силы и время. Детей учили читать, писать, тренировали память. Они на слух заучивали любые тексты, даже самые абсурдные. Теперь ещё запоминали разговоры, слышанные ими, причем на разных языках, даже не понимая произносимое. Просто запоминали дословно. Дети делали в этом успехи. Коготь и его несколько мальчишек собирались ехать с Яськой, панкратий посмотреть, людей послушать. Всё пригодится.

Да и у купцов сироты не все писульки их спирали. По большей части просто переписывали, и незаметно возвращали. Так Коготь придумал. Вот и сейчас Фифа получил уже переписанные документы.

Казарма была чисто убрана. Тюфяки ровными рядами стояли по стенам, застеленные чистым бельем. Это уже девочки постарались, а шалупонь поддерживала порядок. В казарме приятно пахло свежим сеном: видимо, мелкотравчатые перетрясали недавно тюфяки. Теперь шалупонь жила в чистоте и сытости. Даже Коготь изменился – гордый такой ходит, считает себя личным осведомителем их пятёрки. Раньше ему такое и не снилось! Вон как жизнь складывается...

Лонка для всех мелких работу нашла: огороды в Эгах вспахивать частные, пропалывать... По осени и собирать бу-

дут. Эгейцы народ жалостливый, сирот не обижают – неплохо платят, и с собой еды дадут. На побегушках мальчишки тоже зарабатывают: кому что поднести или письмо передать. Ну и там всякая помощь по мелочи. Девчонок сирот амазонки и дриады под своё покровительство взяли. Так же казарму оборудовали. Ну и правильно – бродяжек жалко. Не должны детишки голодать! Под присмотром они всё же сыты и здоровы. Глядишь – и что дельное получится...

Находящиеся в помещении мальчишки встретили Фифу радостно, мелкие тут же полезли по нему, как по дереву, обниматься. Парень раздал им сладости, припасённые из дома. Так, обвешенный как груша по осени плодами, он за Когтем последовал к столу посмотреть свитки.

Рядом с учителем занимались ребяташки постарше. Под присмотр Когтя сейчас собирали сирот уже из разных городов. Этим занимались эфебы. Заслышав несущиеся от них скороговорки на речи кочевников, Фифа непроизвольно втянул голову в плечи. Собственные воспоминания по их разучиванию были ещё свежи и радостных эмоций не вызывали.

С Когтем они уселись за стол. Представитель сумрачного мира цыкнул на воспитанников, и они, словно созревшие плоды под порывом ветра, осыпались, давая возможность поговорить.

Фифа пробежал свитки – всё о контрабанде, надо будет страже передать и свой процент снять... Это что? Какое-то личное письмо, так, ни о чём... Как доехали... как устрои-

лись... Опочки! – Фифа даже присвистнул, когда его глаза из безобидного письма выделили странную фразу: басилевс ничего не заметил... Интересно, что Филипп заметить должен был?

– Где взяли? – ткнул он Когтю свиток под нос.

– Мальчишек оставил проследить, – парень довольный своей сообразительностью аж возгордился, нос задрал – Торговка, совсем ничем не примечательная. Ткань у неё какая-то.

– Интересно, – Фифа задумчиво наматывал локон на палец. – Доложишь, будем разбираться. К своим пойду, подумаем. Следи за тёткой лучше: с кем общается, о чём говорит. Надо же, басилевс не заметил... А, саму её что, заметил? Тоже мне фифа какая! Басилевсу только торговок замечать... Леаппа пришлю, пусть её зарисует. Может она в розыске, как Маржик?

Фифа, усмехаясь своей шутке, поднялся.

– Ладно, бывай, Коготь. Чуть что – гонца шли.

И он, посвистывая, двинулся к илькиному дому, туда же должен и Павка заскочить.

Да уж, сходили они на Олимп... Ильке тренироваться запретили, первый день как из дома выходит. Они всех бандитов там перебили. Даже Данка впервые убивать стала. Жуткое зрелище. Кузька её с трудом успокоил – в азарт вошла... Яське – то не до неё было. А взрослые потом несколько подвод вывезли богатства накопленного. Жаль, ребята сами там

не осмотрелись, не поковырялись, глядишь – что ценное и нужное нашлось бы. А на них родичи только орали... Филипп, послал далеко на гхыр, что совсем ката арах их выходки. Илька, уже обидевшись, собрался идти, куда послали, да Аминтор его развернул коленкой под зад. Главное, что обидно – родители поддержали. Через месяц они вступят в эфебию, а сейчас всюю начались приготовления. На год раньше! У ребят ещё планы были куда смотаться, а тут так жестоко всё переиграли... И ведь в эфебию войдут не только они, а все их соученики. Новый отряд создают из молодых. Теперь мамыши всех мальчишек, готовящихся вступить во взрослую жизнь, на них смотрят ранеными медведицами: как же, детишек отбирают! А виноват кто? Конечно, они. С этими мамышами рядом страшно оставаться. Теперь усиленные тренировки, надо еще танец на вступление сделать, отражающий смысл их отряда, а они даже название не придумали. У девчонок два отряда: Амазонки и Дриады, отряд Алеся Оленятами назван – эллосами. А ребята сейчас мозги собрать не могут, чтобы обозваться как-то. И Илька ничего предложить не может, только всё отрицает. Вроде бы спиной ударился, а голова не работает.

Сегодня ещё Яська, наконец, обряд обещался провести для этих обалдуев. Половину свою им, видите ли, надо. Вон, девок вокруг сколько, выбирай любую. Зажрались, сами не знают, чего хотят. Тут о названии думать надо, а им любовь подавай! Без названия и танца не поставишь, и цвет хито-

на не подберёшь. Всё же характер подразделения отражать должно. А какой тут характер, если названия нет?

Фифа зло сплюнул. Как они учиться и служить будут?! Говорят, же, что учёбу отменять не будут, а с дней, когда занятия на службе, в патрулях или на карауле, переносить на свободные. Так весь день загружать, чтобы чего не пропустили! Как с утра вышли из дома, так с учёбы к землетрясению домой, спать. Ещё и дополнительные у Гегелоха... А по рынку когда прошвырнуться? Он же клиентуру потеряет!

Проходя мимо палестра, парень остановился посмотреть, как мелкие, рядом, на расчищенной площадке, тренируются в стрельбе. Данная дисциплина тоже входит в обязательку. Сурик лучший в стрельбе по движущимся мишеням. Слух идеальный, а зрение подкачало, вот и лупит по звуку. На спор он в слепую стрелял – кстати, много выиграл. Зря тогда Фифа с ним спорил...

Парень, заложив руки за спину, покачивался на носках, рассматривая подрастающее поколение. Сурику даже идёт кривой нос. Хорошо ему врезали! Котик, как стрелок, не лучший. Но мелкие стреляют получше, чем их группа. Ну, понятно – Сурик верховодит, вот на это больше времени и отводят. У них как-то больше по борьбе. Ильке, похоже, панкратий вообще запретят, только кулачные бои... Обидно, с кем же ему в спарринге драться – не с Кузькой же... Рыжий слишком вёрткий. Эх, всё после этого Олимпа наперекосяк!

Фифа, посвистывая, двинулся к илькиному дому. Это хо-

рошо, что мелкие занимаются. Лишних ушей не будет. Яська тут по ночам к Ильке лазил, лечить. Так ему приходилось на мансарду по верёвке подыматься, иначе Сурик хвостом увязывается, лишь бы чего не пропустить: как же не дослышит или не довидит, о чём его Илечка разговаривает, что делает! Калка, радостная девчонка – Фифе бы такую сестру – она Сурику на ночь лошадиную дозу снотворного даёт, чтобы нос везде не совал, а потом не ябедничал. Сама варит. Тут попробовала ложечку своего варева, так до полудня проспала трупиком. А этому любопытному хоть бы хны, во сне ещё и ворочается, и вскакивает чуть свет сразу после землетрясения. Вот Яське и приходится по верёвке лазить ночами. Один раз его Аминтор застал. Моск об этом гордо теперь рассказывает. Но ведь явно в тот момент струсил.

Он Ильке на спину творог разложил и с лампадой заглядывал, поменял он цвет, творог, понятное дело, не Илька – или нет. В такой ситуации он, по Яськиным словам, из белого синеватым стать должен. Аминтор входил. Посмотрел на Ильку, намазанного творогом, на испуганного Яську, застывшего над другом с зажженной лампадой, хихикнул, похвалил и ушёл. Посоветовал брать творог на рынке справа от входа, у худющей тётки. Вон оно как складывается.

Дверь открыла Калка, придирчиво оглядела Фифу, пропуская его в дом. Высунув голову, чтобы не выходить, девушка беглым взглядом окинула улицу.

– Кого-то ждёшь? – парню стало интересно. Никак, у Кал-

ки поклонник завёлся?

– Да вот, смотрю: никого ты с собой не привёл? – девушка пропустила его вперёд, отряхнула на нём запылённую хламиду. – Идём к столу. Мы обедаем.

Кроме троих детей Аминтора, за столом сидели уже все. Павка – но он и должен был прийти, мальчишки договаривались здесь встретится – но вот Яську не ждали, да и Кузька, пришедший с Алесем, были неожиданны. Все в сборе оказались...

Увидев Фифу, Аминтор только хмыкнул в бороду.

– Садись, – пригласил он. – Кто-нибудь ещё придёт?

– Если только Сурик, – Кузька весело накладывал Павке зелёного месива. Линкест, со знанием дела одобрил его мёдом, и начал уплетать. Мальчишки, хихикая, предлагали ему свои порции. Павка гордо объявил им, что об их здоровье заботится, пусть тоже едят...

Клео принесла табурет для Фифы, он, раздвинув рыжих иллирийцев, сел между ними.

– Не, Сурик на стрельбище, не придёт... если не сбежит, – Фифа положил себе варёной рыбы, пряча миску от зелёной жути. Лиапп принёс ему ещё миску горячей похлёбки, и забрал пустые у остальных. Дымящаяся похлёбка с бобами, луком на козлятине ароматом призывно разжигала аппетит, пробиваясь даже через вечно забитый фифин нос. Парень сглотнул. Он хотел показать загадочный свиток, но похлёбка требовала к себе особого внимания...

За столом обсуждали название для нового отряда эфебии.

– Давайте – медвежата, – предложил Кузька. – Они – оленята, а мы медвежата будем.

– Согласен, – быстро откликнулся Илька, – зимой впадаем в спячку, и пусть кто подойдёт!!!

Аминтор, смеясь, вытер выступившие на глазах слёзы.

– Ну, Илька, ты-то можешь, а остальные? – Клеопатра сидела, подперев щёку рукой, наблюдая за мальчишками. – Ой, и провоняете вы за полгода...

– А танец у них вперевалочку будет, как у моряков во время шторма, – поддержала сестру Калка. – А в конце они повально засыпать будут.

– А нам их в берлогу переносить...

Девчонки вскочили и начали изображать медведей угрожающе поднявшихся на дыбы. Покачиваясь и косолапя, они развели руки в стороны, как для обхвата, и зарычали. Калка и Клео обходили друг друга, изображая схватку. Мальчишки уже не хихикали над ними, а ржали во весь голос.

– Зима – тонко пискнула Калка, и калачиком улеглась на полу, подсунув руку под щёку.

Рядом в сон погрузилась и Клеопатра, засунув пятерню себе в рот и смачно, со звуком, сося её.

Яська вылетел из-за стола и помчался на улицу. Похоже, медвежатами они не будут.

Когда кваканье за столом затихло, Павка предложил стать крылатыми воинами.

– Пернатыми? – переспросил моск, возвращаясь к столу. – Воронами?

– Золотыми орлами называют эгейцев, огненными соколами – иллирийцев, вам точно воронами быть. Кар! Кар! – братья иллирийцы, смеясь ударили по рукам, дотянувшись через Фифку.

Тот отодвинул пустую миску, которую тут же подхватил Леапп, унося на кухню.

– А если пчёлами? – предложил Фифа.

– Тогда уж трутнями, – фыркнул Илька.

– Ага, а потом и хитон, и хламиду полосатыми носить, – Яська мечтательно поднял глаза вверх. – Фифе-то не привыкать, он всю зиму в полосатом проходил.

Даная, зная, что сын постоянно болеет, вязала ему тёплые хитоны, в этот раз это был полосатый, зато тёплый и удобный. Парень обиделся.

– Коробанты, куреты, – начал перечислять Кузька, – кебе-ры...

– Куреты? Не, в горы я не ходок, – покачал головой Илька. – Придумаем, не спешите.

– Ребят, а если вам лъвятами назваться? – предположил Аминтор. – У вас большинство в иеры идёт. Олежкины – оленята, они на титул александроса претендуют, его же символ олень.

Басилевс – это лев.

Фифа в раздумье откинул длинные, уже ниже лопаток, во-

лосы, ниспадающие на лицо. А что – Павка басилевсом будет, почему нет?

– Я тоже на александроса иду – воином, а не жрецом буду. – Илька исподлобья посмотрел на отца. – И Фифа на воина идёт, и Кузька...

– И как со своей спиной за оленем бегать будешь? – александрос покачал головой. – Льва бы взял.

– Оленя возьму. – Илька с вызывом вскинул голову. – Ну, закончили есть? Пошли, погуляем.

Яська поднялся первым.

– Да, время.

Аминтор поднял бровь.

– Куда это вы собрались?

– Яська ритуал один проведёт. – Илька поцеловал отца. – Атта, не волнуйся. Пошли, ребят...

– Я за ними присмотрю, – пообещал командир эфебов, собираясь вместе с молодняком.

– Ой, гхыр! Забыл, – Фифа с размаху стукнул себя ладонью по лбу, звук получился гулкий. Парень достал свиток, протянул. – Забавная писулька.

Свиток побежал по рукам ребят, прочёл каждый.

– Коготь переписывал? – уточнил Алесь, передавая дальше. – Грамотность ему подтягивать надо.

– Не, – Фифа покачал головой, заступаясь за своего подопечного. – Он переписывает, что видит. Значит, в тексте ошибки были.

– Интересно... Следить отправил? – Илья передал документ отцу.

– А то. Леапп! – окликнул Фифа педагога, – к Когтю зайди, зарисуй эту тётку, торговку.

Аминтор вернул ребятам документ.

– Держите меня в курсе. Обо всём докладывайте.

Ребята следом за Яськой поспешили к месту ритуала. По дороге возвращались то к обсуждению названия, то к странной писульке. Всё-таки интересно, что не заметил басилевс? Фифа всё-таки склонялся к мысли, что торговку. Хотя Филипп не часто посещал базар... Странно всё это. Ну, не любовница же это его бывшая, на этих тёток Филипп бы даже не посмотрел, разборчивый.... Была бы там хоть одна симпатичная, Фифа её бы заметил. Глянуть там не на кого... Да, так сразу и не сообразишь.

Для ритуала Яська избрал небольшую полянку в лесочке вокруг домов аристократии. Посредине выкошенного пространства находился свежеспиленный пенёк. Интересно, моск сам пилил? Вообще тут деревья трогать нельзя, они считаются священными, в них живут духи предков, дриадами называемые. На такое дело разрешение надо получить. Фифа пригляделся к пню. Точно. Кора изгажена жуками. Яська тут что, весь лес облазил, чтобы большое дерево найти, которое спилить можно?

Приближаясь к пню-алтарю, парень почувствовал, что начинает нервничать. Всё серьёзно. Это ему не по себе, вон да-

же мандраж по телу пошёл, а каково тем, кто заинтересован? У Ильки по бледному лицу красные пятна пошли. У Кузьки конопушки выступили, обычно незаметные. Тяжело им. Но сами же хотели...

Пока мальчишки осматривались, трогали пень, бродили вокруг, Яська переоделся и уже вышел к ним в полном облачении для церемонии: тёмный, плотный хитон, порты, сапоги, на голове ещё и башлык. Как он в этом не сопреет? Павка помог моску подвести глаза. К ритуалу готовятся по – серьёзному. Фифе стало совсем жутко. Так – пошутить, посмотреть этих суженных, а тут во как.

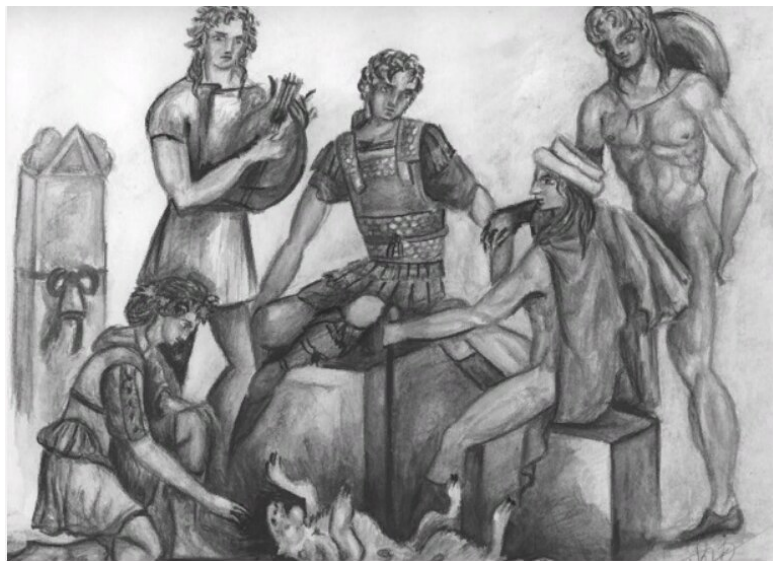
– Сразу предупреждаю, – Яська сверился со свитком, где были его записи, обращаясь к Кузьке. – Твоя девушка тебя старше года на три. Я смогу показать, какая она была в четырнадцать лет. Она, может быть, из Тирренских земель. Но это не точно. Иль, твоя девушка, из Скифских земель, или за ними. Она намного моложе. Сейчас совсем маленькая, если родилась уже. Я её покажу, какая будет в двенадцать лет.

Ребята напряжённо кивнули. Все ждали ритуала. Моск предварительно у друзей забрал предметы, нужные ему для проведения, через которые вызывать придётся их половины. Яська последний раз сверился со своими записями, перечитывая заговор и отдал свиток в протянутую руку Алеся.

– Всё, начинаем. – Ясон встал перед пнём-алтарём, из которого игриво торчала единственная оставшаяся живая ветка. – Расползайтесь, место освободите. И – тихо! Не мешай-

те...

Ребята разошлись по краям поляны. Фифа голой задницей плюхнулся на траву. Кроме сапог и хитона на нём ничего не было – жарко же. Павка прикатил под своё сидалище чурбак, скинув хитон, покрыл его и довольный уселся. Рядом примостился Кузька. Илька остался стоять, облокотившись спиной о дерево. Видать, опять болело, и без посторонней помощи, гхыр бы встал. Только он и Алесь были одеты.

Илька, чтобы скрывать свою раскрашенную мазилками

спину, Алесь в доспехах, который уже стал его второй кожей. Скоро и они из панцирей вылезать не будут. Пусть хоть сейчас тело подышит, напоследок.

Яська величественно возвышался над пнём, к его ногам жалась любопытная Данка. Парень развёл руки и запел заговор на языке Та-Кемет. Аккумулируя силу, вибрировал висящий у него на груди знак. Металл отражал солнечный свет. Солнечные зайчики побежали по поляне, по напряжённым лицам ребят. Положив красный камень, данный Кузьмой, Ясон пел над ним призыв.

Комары... Откуда их столько? Своими тупыми хоботками они впивались в обнажённое тело. Видать, нарочно свои носы тупят, чтобы больнее было. Фифа только и успевал бить их по всему телу, кровососов этих поганных. Уже всё чешется. Тяжёлая илькина рука ещё пару убила. Фифа недовольно покосился на друга. Себя бы так лупил. Хотя на этого комары даже не садились. С мазилками совсем для кровососов невкусный стал. А вот его совсем зажрали.

Зачадили благовония. Яська напрягаясь, отдавая всего себя, свои силы пытался создать видения из иного мира. Постепенно над пнём стал возникать столб мерцающего света. Фифа почувствовал, как по всему телу пошёл озноб. Ощущение прикосновения к тайне, к чему-то запретному, вызывало тревогу. Ожидание чуда усиливало страх. Даже руки трястись стали.

– Натирад да лак инда кир – уже властно приказывал

Ясон, держа под контролем пенёк-алтарь. Мерцающий столб становился всё отчётливее. Широкий у алтаря, он сужался к середине, и дальше расширяясь, растворялся в выси. Смутные очертания лица стали угадываться сквозь туманную дымку. Лицо становилось чётче. Яська сам был удивлён происходящим.

– Вах! – воскликнул он, и затараторил на своём. – Визира туха сланец

Лицо девушки приобрело чёткость, выступая из марева тумана. Девушка Кузьки.

Она выглядела совсем по-взрослому. Длинный жёлтый хитон подчёркивал стройную, даже худую фигуру. Девушка была напряжённой, всматривающейся куда-то вдаль. Острый носик, каштановые пушистые волосы, собранные на голове в пучок. Несколько локонов, непослушными прядями струились по шее, путаясь в тяжёлом, массивном, золотом украшении.

Огромные карие глаза, умело подведённые, притягивали взгляд.

Кузька настороженно всматривался в неё, в свою суженую, ловя каждое движение, каждый шорох ткани или полёт пряди, теребимой ветерком.

Оказалось, что Павка, телепат наш, кроме столба света ничего не видит, да и Алесь, смутно видел, всё дребезжало и расплывалось. Фифе пришлось описывать девушку для незрячих. Естественно, что ни от Кузьки, ни от Ильки в этом проку не было, а Ясон образ держал.

Девушка стояла на берегу моря, спиной к песчаному берегу. Перед ней девчонки играли в мяч, тоже одетые в длинные хитоны. А за ними ввысь уходил холм, на котором стоял крохотный белый храм.

– Гела её зовут – дослышал Павка. Если он не видел, это совсем не значит, что не слышал.

– Она чувствует наше присутствие, и ей оно не нравится.

Она нас в распутстве обвиняет, что мы ищем, где бы своё вожделение разрядить, как жирные зубры. Ругается, – Павка захихикал, глядя на Кузьку, – она тебе не изрикская проститутка. В этом клянётся. А ещё она учится в храме мойр.

Иллириец сидел красный, как закатное солнце, но продолжал разглядывать девушку. Видение начало мерцать. Похоже с этой Гелой всё. Интересно, как она является Кузькиной второй половиной.

И словно отвечая на невысказанный Фифой вопрос, мгновенно пронеслась картинка.

Взрослый Кузька – возмужавший, сильный, в кольчуге и серебряном панцире – стоит, словно монолитная гора, скинув рыжую голову с непокорными вихрами. Руки скрещены на груди, взгляд устремлён вперёд. Тени мёртвых воинов, обтекая его, из-за его спины, рвутся в бой, подвластные его воли. И девушка, Гела, в белом хитоне, бегущая к нему, сквозь бой, не взирая на армии мёртвых. Её стремительный порыв и его уверенность и непоколебимость.

Видение погасло. Мальчишки, замороженные увиденным, тарасились на пенёк. Фифа не знал, не находил слов, как описать увиденное незрячим.

Яська отдал камень Кузьке, парень поспешно продел сквозь алый камень кожаный шнурок и одел на шею. Словно капля крови, застыл амулет на его розовой коже. Камень, дающий связь с неизвестной девушкой Гелой.

– Как ты её искать будешь? – с сомнением поинтересовал-

ся Павка.

– Найду, – уверенно отрезал иллириец, погладив камень. Яська положил на алтарь илькино кольцо.

Столб взметнулся с новой силой. Видение девушки было яркое и отчётливое – и очень непонятное... Облачена она была в короткий коричневый хитон с рукавами, белым воротником и манжетами, поверх которого был одет белый фартук с оборками. Русые волосы завязаны в два хвоста, белыми бантами. На шее повязан красный треугольный бант. Какого-то парня в синем, она старательно била странной квадратной сумой по голове. Потом, отбросив суму в сторону, ушла. Там была лестница вниз. Высоко, не один пролёт. Этаж так, наверное, четвёртый. Сев на перила, она заскользила по ним. Лицо дерзкое, открытое. Глаза хитрые, фисташковые. От неё веяло упрямством и свободолобием. – Фифа что видел то и рассказывал.

Илька, подойдя к мерцающему столбу, сквозь него, пытался рукой дотянуться до лица девочки. Парень на ощупь пробовал запомнить её лицо, ощущения, свою суженную.

– Зовут Гера, – Павка пытался хоть что-то понять в мозгах этого странного видения. – Это школа их. Нас не видит и не чувствует. В голове звёзды, планеты. Полёты к ним на каких-то ракетах – странное слово. Ничего не понимаю.

– А красный бантик зачем? – поинтересовался Алесь.

Фифа задумался, рассматривая видение. Такой бантик на многих – и на девчонках, и на мальчишках.

– О! это показатель возрастной группы! – наконец решил Фифа.

– Точно. Пеоны они..., – Павка почесал голову. – Это же наша область. Но у нас так никто не ходит.

Столб света начал пульсировать и гаснуть. Илья продолжал ласково касаться девичьего лица. И опять молниеносная сцена, перед тем, как видение исчезло:

Илья бородатый, в шкуре льва, палицей сокрушает противников. За ним, спина к спине стоит его девушка, оборо-

няясь мечом. Из её поднятой левой руки льётся чистый свет, как щит, окружающий их... Видение померкло.

Илька, смущаясь, одел кольцо на палец. Не очень-то он хотел, чтобы все видели столь личное.

– Как вы их искать будете? Ну, не ехать же туда в поисках невест? Тут дел неупрочот, да и не отпустят никого. – Павка покачал головой. – Может, людей послать?

– Никого никуда не посылаем. – Алесь отложил свиток с яськиными расчётами. – Забыли всё, что видели. Ищите дома невест.

Командир эфебов оглядел моска.

– Ясь, тебя кто счёту учил? На 3 года старше..., – Алесь быстро вносил свои исправления. – Гела уже 300 лет как умерла. Кузька только могилку может найти, цветочки положить. А эта, с бантиками... От Ильки и следов не останется. И имя его никто не вспомнит, когда она родится. То-то одежда вас смутила. Естественно, что и Павка ничего не понял, может они уже к звёздам летают! Когда она ещё родиться... Так что – забудьте.

Илька, закусив губы, поглаживал кольцо, прислонившись к дереву. От слов Алеся он как-то весь поник. Зато Кузька взъерошился на брата как ёж.

– Всё равно найду. Моя она. Придумаю что-нибудь. Не боги горшки обжигают. Что из того, что она умерла, если это судьба...

Илька с интересом оглядел друга, в его глазах появилась

надежда.

– Ну, с Кузькой понятно, он мертвяков всегда любил, Иль, ну ты... – Фифа поднялся. – Что, поближе девчонки найти не мог? Это же надо, такая разница в возрасте...

Парень глянул на свиток, и тяжело вздохнул. На гхыр такая половина, если она появится только через тысячи лет. Лучше уж как все, по камешкам...

– Кто детей рожать будет? Эфемерные создания? – Алесь дал брату тумака. – Выкинь блажь из головы! Не поможет – отцу расскажу, он розгами выбьет.

– Ясь, а поближе в нашем времени, им девчонок найти нельзя. Даже пусть из Та-Кемет будут, или ещё откуда – достать легче, чем через время, – предложил Павка. – Ты ещё посчитай! Алесь поможет.

– Не, – моск виновато смотрел на друзей. – Даже если я ошибся в расчётах времени, это не влияет. Только эти девчонки их половины. Ну не виноват я, что их так по времени разбросало... Первый раз с таким сталкиваюсь.

– Ух, хорошо, что я на это не купился, – вздохнул Фифа. – Ну что, по домам?

– Да уж, подумать надо... – согласился Илька.

– Ясь, пойдём, поговорим. – позвал он с собой моска. Кузька хотел было к ним присоединиться, но брат отловил его за ухо.

– Домой. Доспехи надо готовить, к посвящению в эфебию. – он пинком отправил Кузьку в сторону дома.

Фифе ещё надо было заскочить к Когтю, посмотреть, что Лиапп зарисовал.

– Давайте тогда до завтра – на языках встретимся, – он кивнул друзьям и пошёл к базару. Настроение резко ухудшилось. Хорошо, что у него Лялька есть. Мало того, что местная – эфиротка, так всего на четыре года младше. А то вот так, найдут девицу – красавицу времён троянской войны, и что делать? Да будь хоть Елена Прекрасная – руками такую всё равно не обнимешь, сквозь неё руки пройдут...

Павка, от нечего делать, увязался за Фифой.

– Не повезло ребятам, – сожалел Линкест. – Уж лучше такого не знать.

А ты видел, что Илька в последнем видении был в львиной шкуре? – Фифа заглянул в лицо друга и тут же прикусил язык. Он же не видящий. Да и шкура могла означать только одно...

– Из Ильки хороший басилевс выйдет, – помолчав, рассудил Павка. – Я не хочу быть басилевсом. Устал я. Тяжело постоянно мысли людей слышать.

Он усмехнулся.

– Фиф, да не волнуйся, что мне сказал. Только никому больше не говори. Вон, Аминтор всячески скрывает способности сына, и не зря. Не трепли. Будет он басилевсом, даже если не хочет.

Лицо Павки было серьёзным и измученным. Фифа впервые задумался, каково ему, телепату, почти официально объ-

явленному будущим басилевсом. И магией на него делали, и на советах сидеть приходится, и в мыслях других ковыряться. А каково постоянно слышать, что о нём думают те, кто сам к власти рвётся. А как за глаза называет та же мать Сурика, какие сплетни распускает. Они – то знают, что всё враньё. Но, а люди – что они думают? И Павка всё это слышит – слышит постоянно! Действительно, устал он, и лицо у него сейчас – даже не то, что взрослое, а какое-то старое, больное. Надо Яське сказать, пусть ещё на магию проверит.

– Люди много зла думают, гораздо больше, чем делают, – Павка вымученно улыбнулся. Потом его лицо стало мечтательным и отрешённым. – А знаешь, я иногда слышу каких-то крылатых созданий – они чистые и мысли у них светлые. Бывает, они зовут к себе, и сейчас всё чаще.

Фифа понял, что об этом ему тоже рассказывать никому не стоит, если не засмеют Павку, то перепугаются. Вот так открываются тайны.

Павка рассмеялся.

– Да не бери в голову. Всё радостно будет!

У базара их уже ждал Коготь. Кто-то из его мальчишек увидел их на дороге и успел смотаться за главным – не по его ли душу Фифа на базар пришёл?

Радуйся, Коготь, – Павка подмигнул воровскому. – Показывай торговку, попробую на неё посмотреть.

Коготь, почесав репу, ту, что головой называется, одел на парня свой хитон, у кого-то из пацанов забрал шапку, и по-

вёл их к объекту изучения.

Тётка оказалась действительно невзрачная, неаккуратная, с длинным тонким носом и мелкими зубками. Всклобоченные волосы криво подобраны шпильками в простенькую причёску. Руки худые, жилистые, в морщинах от работы.

Ребята остановились в сторонке, чтобы не привлекать внимания.

– Филиппа она хорошо знает, но не общалась. Чья-то прислуга. В его дом она продала ткань с заговором. Покупал мальчишка. Заговор делала не она, тётка только посредник, – через какое-то время Павка открыл глаза, и выдал свой вывод. – Заказчика искать надо и ткань изъять. Кроме ворожбы, на тряпке ещё что-то. Она её продала не касаясь, так как это опасно. Похоже, купил Сурик – ну, он на всякую каку падок.

– Опочки, – Фифа потряс волосами. – Коготь, следи!

– Да я завтра с моском еду, мальчишки следить будут, тебе и доложат. – Коготь пожал плечами.

– Ладно, удачи, сами проконтролируем. Вы там не задерживайтесь больше, чем нужно.

Ну, и Яську береги.

– Сделаем, – пообещал Коготь.

– Слушайте, ребят, – физиономия Павки стала совсем хитрой, как у лиса. – Я знаю тут одно местечко...

Линкест повёл парней за собой через доходные многоквартирные дома, стоящие у рынка, к небольшой едальне,

запратывавшейся в тени деревьев.

На мальчишек странно покосились, но пропустили. Павку там, похоже, знали. Помещение было небольшим, душным. Женщин и молодёжи не было совсем, зато много ветеранов и старых стражников, которые уже отслужили своё в ополчении.

Я тут с братцами был, басилевсом и александросом, пару раз, – пояснил Павка, заказывая себе и ребятам какую-то воду.

Её принесли в глиняных стаканах. Пахла отвратительно. Линкест, хихикая над принимающимися мальчишками, залпом выпил. Фифа с Когтем переглянулись, и последовали его примеру. Огненная жидкость обожгла горло, и, словно лава, разлилась в желудке.

– Гетское пойло, – засмеялся Павка, глядя на закашлявшегося Когтя и Фифу, застывшего с вытаращенными глазами и открытым ртом, смотрящего на опустевший стакан.

Парень хотел ещё сегодня доложить о торговке Аминтору, но теперь вряд ли не дойдёт... Интересная эта гетская жидкость! Надо будет о ней разузнать, и попробовать через Когтя поставки наладить. Могут и заработать. В голову дало ударной волной из желудка. Фифа почувствовал, что мозги работают как-то странно. Надо это дело изучить. Коготь вполне сможет клиентуру подобрать...

3 глава

Эги. 344. г. до н.э. Месяц спустя.

От Алеся.

У реки Алесь чистил своего жеребца. Пряный запах сочной травы, недавно скошенной, стоял вокруг. Мошкара, как всегда в конце лета, повылазила невесть откуда и толпами носилась, вокруг парня и его коня, их были мириады. Солнце жгло. К полудню раскалено было всё, особенно в городе – выложенные гранитом здания, мощёная дорога... Если бы не бурная зелень, то можно было бы ощущать себя в печке. А вот рядом с рекой – хорошо. На мошкару можно и внимания не обращать, просто скрыться от неё под водой, прохладной и живительной.

На днях они пытались тут Левонтия плавать учить. Малыш, рыжий шkodник, постоянно повторявший всё за братьями, тут заупрямился. Он у отца как-то самым рыжим получился, словно живое пламя, да и характер такой же. Кузька малыша уговаривал, что ничего страшного нет. Но Левонтий сопротивлялся. Эк малыша из воды звал. Алесь тогда, посмотрев на всё это безобразие, просто схватил искапризничевшегося братишку и бросил на глубину. В случае чего, Эк бы его вытащил. Но не тут-то было... Левонтий поплыл как утка, словно на ногах у него ласты. Ещё и время от времени, бил маленькими ручонками, как утка крыльями. Те-

перь с братьями на реку бегают, тоже купаться. Понравилось. Смешной и сильный малыш. У них в семье все такие.

Жеребец начал тыкать мягким носом в шею задумавшегося Алеся. Это было щекотно. Парень потормошил его гриву, длинную, красивую. Ухоженная шерсть блестела в лучах солнца, переливаясь подобно дорогой ткани. Алесь ещё раз потёр коня скребком. Жеребец начал игриво мягкими, нежными губами пощипывать волосы парня. Иллириец заграбастал морду коня, прижался к ней лбом.

– Вредина, вредина, – ласково бурчал он другу. Жеребец довольно и согласно фыркнул, и тут же начал обнюхивать парня, в поисках лакомства. Ничего не обнаружив вкусненького на обнажённом теле, жеребец стал настойчиво тыкать хозяина носом то в плечо, то в грудь.

– Требуешь, нахально требуешь..., – Алесь усмехнулся, отступая в воду. Жеребец настырно продолжал тыкаться. Парень, зачерпнув руками воду, окатил коня. Тот недовольно помотал головой отфыркиваясь, и мелко перебирая ногами стал отступать. Алесь продолжал брызгать.

– Олечка!!! Ты здесь! Скоро начнётся! – на берег прискакала Баська на своём нессенском жеребце.

Парень посмотрел на солнце, время до полудня ещё было.

– Бась, наперегонки через реку слабо? – он, прищулив глаза оценивающе посмотрел на девушку.

Барсина с вызовом тряхнула каштановыми пушистыми волосами, легко соскочила с коня. Скинув лёгкий хитон, она с разбегу прыгнула в реку.

– Догоняй!.. – донеслось уже из воды.

Стройная фигурка девушки молниеносно пронеслась мимо стоящего в воде парня, не дав времени полюбоваться на неё, оценить её ладность, гармонию, насладиться красотой. Алесь вздохнул и поплыл следом. Он совсем не собирался выкладываться полностью, чтобы опередить своего Воробушка. Девушкам надо уступать, но так, чтобы она видела, иначе подумает, что парень, правда, слабее, а так – ей при-

ятно.

Год назад, когда Яська у них только появился, они его так же на спор подбили реку переплывать наперегонки с Эктором. Естественно, брат его сделал. Парнем Ясон оказался неплохим, органично вошёл к ним. Вот вернулся недавно из Эллинских земель, с игрищ, с полным исключением на участие в каких-либо состязаниях панкратия. Он же нашёл того, кто Приаму спину сломал. И вырубил его по точкам, иеровскими приёмами. Мальчишка, а сам пошёл на эту месть, зная, что дисквалифицируют. Зато его противник с панкратиона вышел – какой там вышел, вынесли! – овощем. И Коготь не зря съездил, заказчика нашёл. Жрец из Луксора оказался, с Та-Кеметских земель. Яська и с ним разобрался. У них, видите ли, предсказание, что первенец Пармения, отца, правителем там станет, и весь банк Луксора под себя заграбастает. Ну, заграбастать Приам может. Хотя... Кто верит в предсказания?! Где этот Луксор и где мы...

– Эй! Эгей!! – Баська замахала ему от противоположного берега. – Где застрял?

Алесь в несколько гребков оказался рядом. Девушка доверчиво прижалась к нему своим гибким и мокрым телом. Сильная рука юноши обняла любимую за талию, привлекая к себе, и утонув в её восторженных, бездонных глазах. В случае чего, Алесь решил, что за руку он не отвечает....

С берега, откуда они приплыли, раздался свист. Алесь обернулся. Тилк рукой показал, чтобы плыли назад.

Рука парня скользнула по телу девушки вниз, и с сожалением оторвалась.

– Возвращаемся, – вздохнул он.

– Придётся, – Воробушек клюнула его в щёку и стремительно погрузилась в воду. Они неспешно поплыли обратно. Хотелось побыть вдвоём, но последнее время этого никак не удавалось. Барсина теперь чаще всего находится в Пелле с Артабазом, Алесь же при александросе в армии или учится среди диев. Встречаются на считанные мгновения, как сейчас.

А ведь просто побыть вместе, вот так просто плыть рядом, держась за руки, уже счастье! Сегодня Баська весь день пробудет в Эгах, но смогут ли они побыть вместе – это вопрос! Молодняк вступает в эфебию, вот и понаехали все родичи на великий праздник. Только поэтому Артабаз сегодня и прибыл, прихватив всё семейство. Так что ещё неизвестно, когда с Воробушком встретятся...

Её тонкие пальцы цепко держали руку. Баська всегда была девчонкой сильной. Казалось, что так за руку они и по жизни пойдут, и всегда Алесь рядом с собой будет ощущать её поддержку. Это очень сладкое чувство, с щемлением в груди. Баська, его Воробушек рядом...

Под бдительным оком Тилка они вылезли, быстро оделись.

– Олеж, а чего ты весь в синяках? – поинтересовалась девушка, разглядывая тело, скрывающееся под хламидой.

– Да, ерунда, – отмахнулся Алесь, вскакивая на своего жеребца. – У диев не только рубкой занимаемся. Там такая хренуська есть, кони деревянные по кругу стоят. А кто-нибудь из наставников их в движение ворохом приводит. Они качаться, двигаться, дергаться начинают, а мы по ним скачем.

Девушка подъехала к нему, откинула ткань хламиды, придирчиво осмотрела кровоподтёки.

– Вот только не надо говорить, что это от копыт деревянных коней – не похоже.

Парень рассмеялся.

– Не, пока мы скачем, они нас из луков обстреливают, стрелами с тяжёлыми набалдашниками. Ты Линкеста ещё не видела, он вообще на барса похож – пятнистый. Так что учимся уворачиваться. А то что это за полководец будет, если при первом залпе лучников пойдёт Лету искать...

Барсина хмыкнула.

– Это ж сколько тебя раз убили... Ты мой восставший из мёртвых – мертвяк.

Тилк пропустил их вперёд, и они двинулись к городу. Алесю ещё надо было переодеться перед церемонией.

– Олеж, а это что... – Сурик? – Баська углядела сына Филиппа – в грязной хламиде, нечесаного – беседующего с ка-

ким-то нищим – то ли больным, то ли одержимым.

Алесь криво усмехнулся.

– Он... с киником, видать, треплется. Нашёл отбросы, – парень брезгливо поморщился. Грязные, нечёсанные, питающиеся, что найдут или тем, что подаст какой-нибудь добренький человек. Они вызывали откровенное омерзение в юноше. Тоже вот, новая философия, уподобляется бродячим собакам, так почитаемым среди ахеменидов. Гадят где не попадая, воруют, живут на улице. Свободные граждане Ойкумены. Ни Отечества у них нет, ни богов – собаки, одним словом. И спариваются, как псы шелудивые, так же, на глазах у всех. Ещё и чешутся, хотя это естественно: ведь моются только когда дождь идёт, блохастые разносчики. И тоже – философия. Там, где ахемениды прошли, таких навалом. Они ещё почитаются за боговдохновенных с духами, мол, общаются... Гадость, в общем.

– И куда Филипп смотрит? – Баська поёжилась. Вот придёт Сурик поговорить с ней, а с него блохи прыгать будут, переселяться... Глаза большие, голубые и чистые как небо, и жалостливые такие. Ресницами светлыми так хлоп-хлоп навивно, а в длинных льняных волосах – насекомые шевелятся...

Алесь захихикал над бурным воображением подруги.

– А что Филипп... Было тут дело, – Парень остановился, пропуская Тилка вперёд, и поближе подъезжая к девушке, чтобы разговор не подслушивали, всё – таки о правящем

семействе толкуют, не надо чтобы слухи поползли. – Сурик на базаре купил какую-то дорогую ткань, сказав при этом торговке, что для отца берёт, в подарок. Ну, она ему всучила с заговорами на басилевса, то ли на смерть, то ли приворот, гхыр его знает. Ребята её выследили. Родители с тёткой сами разобрались. А ткань Филипп обыскался. Сыночек то ему не отдал, себе припрятал. А.. вспомнил, на увечье для басилевса заговор был... Тогда Филипп, не разбирая, сжёг всё барахло Сурика. Правда, много чего он там интересно нашёл, свою парадную диадему, Лонкины украшения, какие-то Илькины браслеты. То, что часто не носится, но ценность большую имеет, и блестит... Также в доме Аминтора всё сыновье сжёг, чтобы не разбираться. Как раз там ткань и припрятана была. Чужое всё владельцам вернул. Вот после этого Сурик к киникам и подался. Филипп сыночка “любимого” кроме как “Этот”, иначе и не зовёт. Илька этого убогого домой назад отловил, отмыл. Так нет, опять сбежал. Говорит: раз я никому не нужен, буду жить как собака. Илька его и мордой в лужу макал, и уговаривал, чтобы семью не позорил. Но Сурик, тоже упрямый. Вот теперь и живёт на улице, в своих обидках купается, себя жалеет...

– Может по-другому надо было с ним как-то. Лаской..., – Баська горестно вздохнула. – Глупый ещё, маленький. Помягче с ним надо. Илька в этом прав.

– Жалельщица, – Алесь потрепал девушку по голове. – Его и так мало порют, Илька заступается: мол, слабенький,

дядька Филипп забьет. Самого – то его никто не жалеет, ни Аминтор, ни дед. А мозги либо есть, либо нет, уж таким Сурик уродился. Может и правда не от Филиппа...

– Несправедлив ты к Сурику и киникам, Олеж, нельзя видеть только плохое. Киников простолюдины уважают, считая их блаженными, что они от большого ума так живут. Ведь посмотри – они все грамотные, к ним и рабы, и земледельцы ходят грамотку какую прочесть, и за советом.

– Ой, надают они советов, – Алесь тронул коня. – А грамота – вон, общественные школы есть, почти бесплатно, желающие учиться могут. Так лень им. Не палками же их туда загонять!

Пора было одеваться и собирать свой отряд.

К церемонии готовились тщательно целый месяц. Наконец, выбрали название, над о котором было больше всего споров и разговоров. Взяли одно из традиционных – кеберы – название древнее, и не раз носимое отрядами эфебов. Сейчас кеберами называют хтонических духов, духов земли, а кем они были раньше, история умалчивает. Кеберы упоминаются во всех древних жречествах, и потому Илька в итоге согласился на них. Они есть у Ифеста (Гефеста) и Деметры, их почитали в горах, и связывали с водой. Древние военные отряды молодых и сильных, стремящихся вперёд к познанию нового. Перед ними открывался весь мир непознанной природы, всех стихий, всех тайн, и мальчишки решили пойти этим путём.

Алесь добродушно усмехнулся, вспоминая, как они придумывали повседневные доспехи, для этого нового подразделения. Если у его оленят основной цвет был бежевый, даже сами белые доспехи, немного бежеватые, с кожаным кантом, то у молодняка он будет светло голубоватым. А с хламидами они вообще выпендрились – ну, это с подачи Яськи. Даже заказали у Мервана партию войлочных серых плащей, чтобы в дождь не промокали. При этом шлемы взяли самые простые, пилосы. Вот у его оленят последняя армейская разработка, шлемы для кавалерии, они их на себе решили опробовать. А тут мальчишки настояли на древнем варианте, даже без нащёчников. Взяли самые простые, но те, в которых ироев по иконографии положено изображать. Сразу видно, большая часть такой эфебии в иеры пойдёт. Всё им со значением, с древними корнями, ритуалами...

Отряд Алеся был уже в сборе и только ждали командира. На великий праздник принятия мальчишек в эфебию собрались все. Кока примчался из храма, где учился, и уже в полном облачении эфеба прохаживался среди отряда, поправляя снаряжение – как своё так и товарищей. Прибыл Мелеагр, забросив свои семейные дела в Эпире. Даже Приам в отсутствие брата командовал отрядом – не смотря на болезнь, поднялся и был в общем строю. Сидя на поставленном для него кресле, он распоряжался построением, доводя всё до совершенства. Алесь прекрасно понимал, насколько это было тяжело брату, но отказать, или запретить ему участвовать

не то что не мог, просто не посмел. Ну не постоит в карауле, посидит, но лишать праздника, когда Кузька и его друзья, наконец, станут взрослыми, дело не только семейное, но и государственное – кто посмеет такое запретить?!

– Олеж, все готовы, беги быстреей, одевайся и – в строй! – Приам махнул брату на казарму.

– Не тормози, быстреей давай!

– Давайте, готовьтесь... Сейчас выходим – Алесь скрылся в казарме, где лежало уже готовое его снаряжение. Неожиданно для себя, он столкнулся там с Тилком. Только что, наставник ехал рядом, и вот как-то опередил. Мужчина помог быстро облачиться в доспехи, и на прощание дал подзатыльник – так, на удачу. Алесь, застегнувшись и оправившись, вышел к своим. Эфебия в полном составе двинулась к театру, где проводилась церемония.

Сегодня был 18 лунный день, он считался удачным для начинаний, а для молодняка с сегодня начиналась новая жизнь: их примут в воинство, они на равных со старшими, со своими отцами, смогут высказывать своё мнение и по всей строгости закона будут уже отвечать за свои поступки. Детство останется в прошлом. Став взрослыми, мальчишки будут прясть свою жизнь, и не белыми нитями, как непорочные юнцы, не имеющие ещё своего слова, за которых во всём отвечают родители, а наравне с родителями, вплетая в нить жизни все краски этого мира, войны и власти, любви и надежды, потерь и побед, доблести и чести. Сегодня действи-

тельно великий день. Родятся новые воины, новый оплот государства, его новые дети и новая часть будущей истории.

У театра собрались не только жители Эг, но и их родственники и знакомые. Они выстроились вокруг уходящего вниз здания с двух сторон дороги, и по всему периметру. Люди радостно махали эфебам, проходящим сквозь празднично разодетую толпу. Юноши встали у входа в театр, чтобы потом сразу же туда войти, следом за молодыняком.

Вскоре показались мальчишки. С места Алесья они были хорошо видны: бледные, встрепанные, нервничающие. За сегодняшний день претендентов в эфебию значительно поуменилось. Не все прошли ритуал посвящения волос богам. Тут только те, чьи волосы огонь принял.

Алесь хмыкнул, пересчитав мальчишек. Осталось чуть больше 30 человек. И, естественно, все свои были здесь. Те, кто не прошёл испытание огнём, будут пробовать уже на следующий год, в этом эфебами они уже не станут.

Алесь не мог не восхищаться мамами ребят, старавшимися у своих юбок удержать дитяток. Всё-таки, действительно решили посвятить на год раньше. А чего только хитрая женщина не придумает, чтобы сохранить любимого сыночку рядом с собой. Какими только маслами, они не увлажняли им волосы, укладывая в праздничные причёски, для красоты... Ага... Даже огонь такими прядями побрезговал, не горели они. Эх, женщины, что только не придумают. Их бы ум,

их бы хитрость — да на пользу. Огонь прядь отверг, счастливая мамаша отпрыска домой забирает, и при этом горестно сокрушается, как это её чадо в эфебию не берут... А у самих глаза счастьем светятся. Алесь с утра на этот театр насмотрелся. После чего купаться и пошёл, чтобы смыть с себя липкий налёт обмана.

Их же мальчишки к огню подходили с чисто вымытой и высушенной головой и без какой-либо укладки, даже без разделения на локоны и завивки, так дикий беспорядок. У Кузьки рыжие вихры вообще во все стороны стояли. Огонь их волосы быстро сжевал.

Вон эта компания молодых и буйных стоит, о чём-то переговаривается, хихикают нервно, лишь бы чего не учудили... Алесь подозвал Коку.

– Пригляди за нашими, что-то они очень радостные, – шепнул он другу на ухо. Тот понимающе кивнул.

– Да, я сегодня у Фифы пару его шариков отобрал, обыскивая перед ритуалом. Мог же в огонь кинуть, для большего эффекта..., – тихо поделился Кока домашними событиями. – Присмотрю.

Мальчишки, готовящиеся пройти ритуал, нервно крутились, успокаивая друг друга, подбадривая. Алесь вспомнил, как так же, на их месте были они, и тоже переживали. Прошлые ощущения оказались совсем не забыты. Вспомнилось, как от страха сжимало желудок, он словно чужеродный камень тянул вниз, и сердце бешено стучало. Так же, как и сейчас мальчишки, они были одеты в экзомис, как несвободные. После битвы у Фермопил и подвига спартанского Леонида, экзомис стал показателем героизма, теперь в них рисуют лаконцев, восставших против надвигающихся полчищ ахеменидов. Так же как и сейчас на мальчишках, на них тогда были кожаные оплечья с грубым воротом. Тело до сих пор помнило, как давило, жало оплечье, как тяжело было дышать под кожей, сдавливающей грудь. Оно символизировало детское состояние подчинённости – родителям, устоям, семье. Это взрослый человек дышит полной грудью, а ребёнок во всём ещё полагается на родителей. И кожаный наруч на правой

руке говорил о тяжёлой длани отца, ведущей сына за руку по жизни. Наруч такой же грубый, жёсткий и сдавливающий, как оплечье. Хламида простенькая, короткая, скреплённая на плече, тоже входила в ритуальный комплект и кожаные жёсткие сапоги. И завершало всё – распущенные по плечам волосы, у большинства доходящие до лопаток и ниже.

Алесь улыбнулся, разглядывая как выделяются у мальчишек голые ноги из-под экзомиса, гораздо более светлые, чем верхняя часть тела. Непривычно видеть их без порток. Наверно и они, в свое время выглядели так же глупо и беззащитно. Как-то привычно видеть своих либо в портках, либо совсем голышом, пережаренных летним солнцем. И это не вызывает никаких вопросов, а так... Ну что-то в таком виде есть неестественное. Одно дело, когда так изображают скульпторы или художники, так положено, и разницы оттенков не видно, ещё и в позы ироические поставят... Но в жизни... Сами мальчишки этого не замечали, они были поглощены начинающимся посвящением.

И вот, наконец, мальчишки тронулись сквозь толпу к театру. Народ на них бросал цветы. Да и сами люди, яркие, праздничные, были в венках, больших, пушистых, зелёных, из которых торчали маленькие белые цветочки.

Мальчишки шли по дорожке, специально выложенной шестиугольными белыми камнями к церемонии. Цветы застревали у ребят в волосах, скатывались по одеянию под ноги, распластывались на камнях. Алесь заметил, как над чем-

то нервно смеётся Илька, продолжая хорохориться. Что-то Кузька и Яська с Фифой тоже лыбятся. Ну, что за молодняк, всё им хиханьки, лишь бы не напортачили чего, весельчаки...

К остановившимся мальчишкам вышел александрос Орестид, облачённый в белый длинный хитон с рукавами, лишённый какой бы то ни было драпировки. Камча на хитоне орнаментная, ритуальная, красочная. Весь вид уже немолодого мужчины был наполнен божественной силой. Это не тот привычный отец Коки и Фифы, дед Ильки, или муж тёти Данаи. Перед мальчишками предстал рупор стихий, голос рода, связующее звено с предками. Как саллий, иера додонский, он отвечал перед богами за новое поколение. Перед ним мальчишки преклонили колени. Мужчина поднял над ними руки, в одной из которых – длинный изящный посох, с набалдашником резным, инкрустированным камнями. Потрясая над склонёнными головами посохом и свободной рукой, мужчина зычным голосом произнёс ритуальную фразу:

– Растопчите лишения вражды, начертанные кровной местью врагу. Радуйтесь выжженной тростником древней доли вдовства.

Посох опустилсЯ. Мальчишки поднялись.

– Первопроходцы!!! – радостный крик пронёсся по толпе. Его поддержали другие голоса. Мальчишки шли через людей и отовсюду звучало. – Первопроходцы!!! Восстаньте!! Первопроходцы!!!

Мальчишки, смущаясь, жались друг к другу под радостные крики толпы. Они спустились в театр на сцену. Саллий шёл впереди, указывая путь. Он поднял посох над головой, призывая народ к тишине. Мужчина говорил речь, но Алесь её уже не слушал, отряд эфебов тоже спускался вниз, к посвящаемым. Шли стройно, чинно, не то что мелкие.

На сцене декораций не было. Всё было чисто и аскетично. Эфебы вышли стройные, сильные, молодые, в полных парадных доспехах. Алесь своим отрядом мог только гордиться: статные, подтянутые, с военной выправкой – молодые воины. Каждый подошёл к одному из мальчишек. Алесь, как

командир отряда, взял под опеку будущего командира нового подразделения эфебии – Ильку. Как ни странно, наглость из того сейчас не пёрла во все стороны. Как и остальные мальчишки, он был несколько растерян, только таращил свои огромные серые глазищи, ища поддержки. Молодой ещё. Да, хорошо их накрутили перед ритуалом, на всю жизнь его запомнят.

– Смелей – Алесь потрепал парня по плечу.

– Ага, иначе грязно будет, – хмыкнул Илька, ядовитая ухмылка заиграла на его растерянном лице. Забавное зрелище. Оболтус, что с него взять, всё сильным и взрослым пытается быть, а ведь совсем дитё. Алесь помог мальчишке снять всё с себя.

Эфебами были раздеты и остальные ребята. Его пятёрка, конечно же, обхаживала своих. Приам взял на себя Яську. Мальчишка был насупленный, серьёзный, чем-то неуловимым напоминавшим свою Данку. Отомстив за старшего сына Пармения, моск покори́л всех, став не только своим, но и близким, как младший брат. Ни у кого даже мысли не было, что моский жрец забыл в их эфебии. Яська делом доказал, что он такой же как они и был принят, безоглядно, раз и навсегда. И Приам взялся его опекать.

Кока занялся Павкой. Двум жрецам всегда легче найти общий язык. Павка при этом всё время шмыгал носом, то ли простыл, то ли это нервное... Кока его успокаивал, что-то советовал. Алесь, хмыкая, покачал головой, наблюдая как они

воркуют.

Мелеагр, уже раздев Фифу, стоял рядом с мальчишкой, что-то ему говоря сквозь зубы. Мальчишка же, не обращая внимания, безмятежно озирался по сторонам, ёжась от прохладного воздуха, накинувшегося на обнажённое тело.

Кузька же деловито всучил в руки Линкесту свои вещи. Сам разделся, сам сложил всё, и ещё старшему указывает, что тому делать. Весь брат в этом. Деловитая, рыжая животинка...

Так же и остальные мальчишки расстались со своей старой жизнью, передавая её символы опекавшим их эфебам. Алесь укутал обнажённого Ильку светло-сиреневым плащом с жёлтой каймой, принимая его, как равного, в эфебию. Поцеловал мальчишку в недовольно надутые губы, становясь с ним братом. Сразу вспомнилась статуя, заказанная Филиппом с племянника. У басилевса очередные Иракловы планы об очистке Авгиевых конюшен, выписал известного скульптора Леохара, дабы семейство увековечить, и поставить в Олимпии Филипион, храм себя любимого, где выставить эти статуи, по случаю победы на очередной Олимпиаде. Пунктик на Олимпиадах у Филиппа, это точно, и Сурик, видать, этим заразился. Наездник, везде выставиться пытается на своём Букефале. Вот Илькина статуя, пока все не закончены, в Пелле стоит. Они, когда с парнями увидели, долго ржали. То ли Калка, то ли Илька... Локоны ниже лопаток, морда наглая, губки бантиком, а щёчки наливные из-за ушей тор-

чат. С возрастом – то изменится, понятно, но сейчас... Хвала богам, что отец их в этом неблагодарном возрасте не ваял. Зато сразу видно, кормят хорошо, правильно, полезно....

Эфебы приняли пополнение. Да и как они бы его не приняли, когда всех этих мальчишек знают с детства, все они братья, племянники, или друзья родичей. Недостойного к посвящению не допустили бы.

Алесь обнял, закутанного в хламиду Ильку, уводя со сцены, живо представляя себе, как бы чудно выглядел тот, кого эфебы бы не приняли. Это ж кем надо быть: такой до посвящения просто бы не дожил, чтобы не позориться. Илька доверчиво прижался к другу. Рослый, однако, дитяtko, уже выше Алеся.

– Чуть-чуть осталось,-подбадривая шепнул командир эфебов.

– Знаю..., – буркнул тот, позволяя увести себя с деревянного помоста сцены. Саллий остался в одиночестве. Его речь потонула в восторженных криках толпы.

Юноши вошли во внутреннее помещение театра, полностью им предоставленное. Там было темно, как в пещере, посередине горел костёр – большой, весёлый, давая свет и тепло собравшимся вокруг него ребятам.

Металлическая чаша, поблёскивала в свете пламени. Приам налил в неё горячее вино, тягучее, почти чёрное как кровь, разогретое на переносном очаге. Ритуальная чаша продолговатой формы передавалась из поколения в поколе-

ние эфебами при посвящении. Из рук в руки она побежала по кругу. Сделав глоток из неё, эфебы передавали следующему, и тут уже было неважно, только сейчас он был посвящён, или опекал молодых. Все они теперь братья, все они едины, все эфебы.

Сделав глоток из неё, юные эфебы отходили одевать своё новое облачение. Старшие проверяли как они закрепили доспехи, как затянули ремни... После чего мальчишки садились на стоящую тут же лавку, и старшие эфебы подопечному пареньку срезали длинные локоны, оставляя волосы по шее. Обрезанные волосы, словно перья ощипанных птиц, валялись на полу, перемешиваясь между собой. Прежняя жизнь была обрезана ножницами. Детская жизнь кончилась, опав вместе с длинными прядями.

Алесь посочувствовал Линкесту, который подстригал Кузьку: его волосы точно медная проволока. Тяжело бедолаге придётся. Он – то знает. После стрижки вихры брата стали дыбом – надо сказать, чтобы Линкест их водой сбрызнул и уложил, а то это ужас какой-то. Вот у Ильки мягкие, пушистые волосы, легли сразу, как шапочка. Стричь одно удовольствие. Чего же у брата такие непослушные. Достав флягу с водой, Алесь передал её Линкесту.

– Сбрызни его, пусть поприличнее будет.

Линкест удручённо осматривающий получившееся безобразие, поспешно принялся за укладку.

Алесь подошёл к проёму, выглянул на сцену. Шестеро

эфебов, из тех, на которых молодняк не хватило, начали бить в барабаны (бурсы). Ритмично. Звонко. Двое мальчишек ещё не посвящённые в эфебы изображали танец детства. Они высокими прыжками метались по сцене. Короткие хитоны развивались в бешеном темпе танца. Длинные волосы трепетали при высоких затяжных прыжках, когда мальчишки в воздухе пересекали траектории прыжков друг друга. Перекрещенные прыжки сменялись кружениями. Темп танца увеличивался. Звуки барабанов становились всё быстрее. Сердцебиение учащалось.

Внезапно всё стихло. Мальчишки пали на колени, склонившись прямо к доскам помоста.

Пора. Алесь махнул рукой и молодняк гуськом вышел на сцену, кутаясь в новые хламиды. Их правые руки были прижаты к сердцу. Мальчишки нестройно выстроились в три шеренги. Зазвучавшие при их выходе барабаны – смолкли. Их сменила одиночный звук свирели. Молодняк жался друг к другу. Что с них возьмёшь – дети, хотя и одеты уже как эфебы. Правда на них было не парадное облачение, а отрядное: полосатые штаны, замшевые сапоги, серо-голубая хламида, торчащая из-под голубоватого льняного панциря, только шлемов не надели.

Перед ними старшие эфебы вынесли треножник. Мальчишки волновались. Огонь в треножнике вспыхнул игривым пламенем. Кто-то из мелких упал в обморок. Алесь только покачал головой – во доходяги собрались! Ладно хоть свои

стоят, словно утёсы каменные. Место павшего тут же было закрыто сомкнутыми плечами. Старшие эфебы тихонько вынесли сомлевшего.

Лирическая музыка лилась, словно ветер на просторах пастбищ. Здесь слышались и шёпот ковыли, и стук копыт, и завывание волков, и щебет птиц, и слабый, уходящий далеко на задний план, почти не слышимый, плач матерей.

Илька первым вышел к треножнику. Вспорол руку своим кинжалом и накормил огонь кровью. Пламя прямо облизнулось плотоядно. Ну да, кому как не Ильке, если он будет тут командиром, идти первым. В прошлый раз первым был Алесь. Он ещё это помнит. За Илькой последовали его ребята.

Перед огнём мальчишки принесли клятву на верность государству и его правителям.

Алесь облегчённо вздохнул. Ну, всё, закончилось. Павший был только один. Бывает и больше. Вот и родился новый отряд эфебии – кеберы. Выйдя на сцену, он унёс треножник с сытым, от пролитой крови, огнём. Уже смеркалось. По двум краям сцены внесли котлы с огнём, живым светом наполняя пространство. Мальчишки, разделившись на две группы, разбежались в разные стороны сцены. Пятеро вышло вперёд. Присев на корточки, они ладонями стали отбивать ритм по деревянным доскам пола.

Сначала мальчишки двумя цепочками, с разных сторон сцены ведомые Фифой и Илькой, медленно стали выходить.

Шажки их были маленькие, скупые, выстроенные в линейчку, как на иероглифах Та-Кемет. В то же время плечевой пояс расслаблен, движения рук величавые, размашистые, вольные.

Алесь, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за пополнением. Они, действительно, неплохо смотрелись. Поравнявшиеся две шеренги начали обходить друг друга. Ритм стал быстрее. Музыка понеслась в бешеном темпе. Фифи-ны ребята бешено закружились.

Илькины пошли впрысядку, выкидывая коленца. И всё те же широкие движения. Илькины плясали впрысядку, с

прыжками, ползунками, вертушками. Фифины чётко отбивали ногами ритм, при этом кружились и делали высокие прыжки, закидывая ноги и хлопая по ним руками, усиливая ритм пляски.

Мальчишки разделились на пары. Там кружились, приплясывали, делали метёлочку. И вот уже образовался солнечный хоровод, где ребята, держась за руки и притопывая с соскоком, завертелись в диком, безудержном темпе. Хоровод распался на два малых. Кузька с Павкой выскочили вперёд с дробным выступлением. А за ними с прыжками, кувырками проскакивали остальные, пока ребята выбивали ногами ритм. Акробатические прыжки были высокие, красивые, лёгкие. Не зря Леонид на палестре столько гоняет. Каждый элемент пляски вполне приемлем в бою при единоборстве. Это и подсечка, и отскок, и увороты с уклонениями. И опять часть мальчишек пошла вприсядку, выкидывая коленцы. Другая же кроме прыжков исполняла выпады с прямых ног оттачивая ритм. Вот бешено закружился по сцене Илька, выбрасывая то ноги, то руки, словно гуттаперчевый. Его сменил присядкой Фифа. Затем с высокими прыжками и выбрасыванием ног пронёсся Яська. Юлой проплясал Павка. Илька с Кузькой закружились друг с другом, смешивая прыжки и перекидывания.

Алесь хмыкнул – ничего брат на ноги приземляется, уже вполне устойчиво. А Илькины вальяжные движения, при его то росте... Идёт этот пляс парню. Долго, видать, подбирали.

Илька с Кузькой, сцепившись за руки, закружились, подхватив каждый себе на плечо по пареньку. Те били в ладоши, создавая ритм.

Резко оборвалась музыка, мальчишки замерли... И опять закружился хоровод под дробное отбивание ритма ногами.

Что же, слаженно, красиво, быстро и сложно... Хорошая у ребят подготовка. Уставших, взмокших мальчишек встретили старшие эфебы, одобряюще хлопая их по плечам, обнимая, тиская и целуя. Молодцы ребята!!! Действительно, молодняк – молодцы! Сейчас их старшие почётно проводят по домам, а там мальчишек уже ждёт праздничный ужин.

– Иль, – Алесь окликнул командира второго отряда эфебии, перехватывая у входа из театра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.